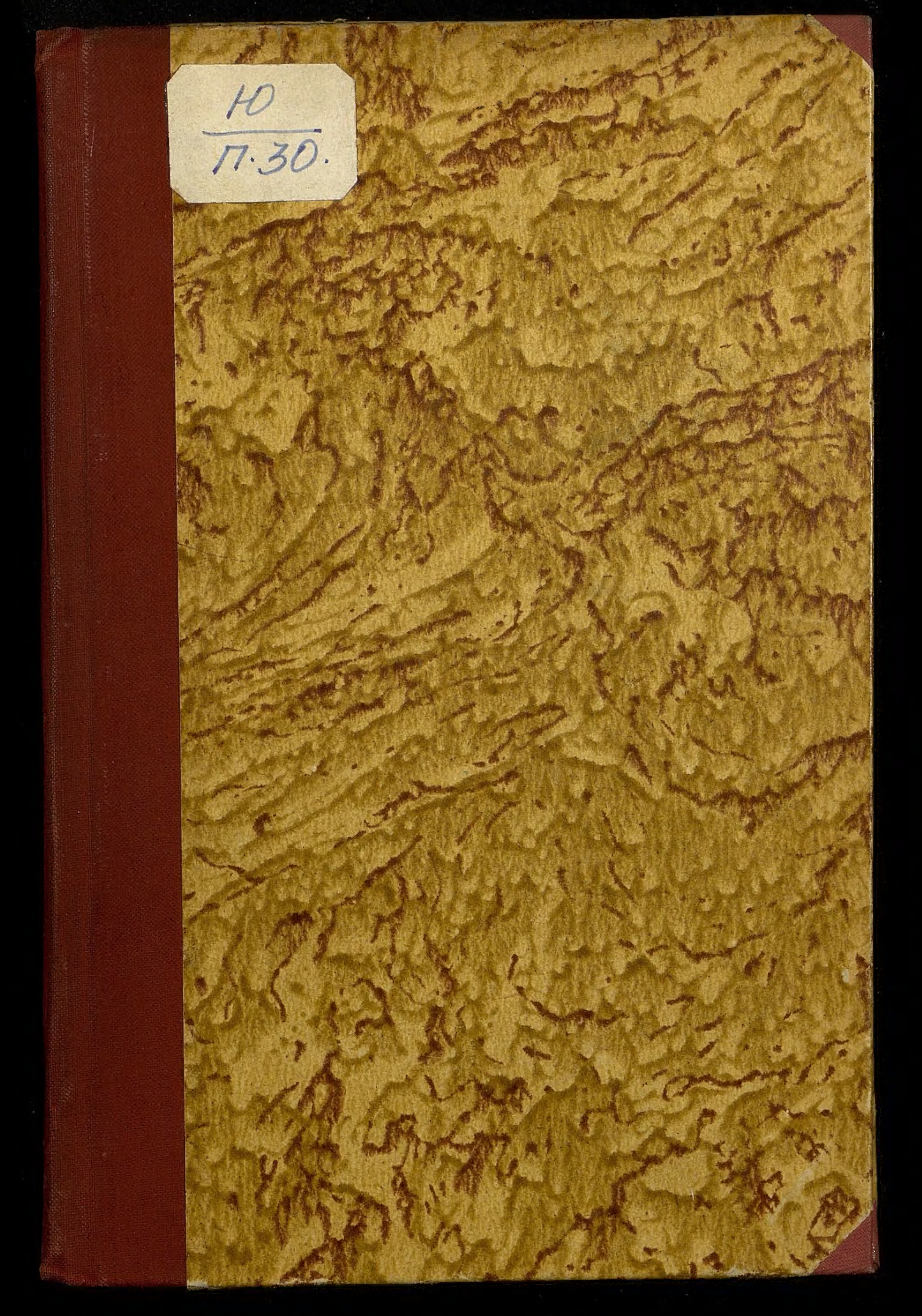
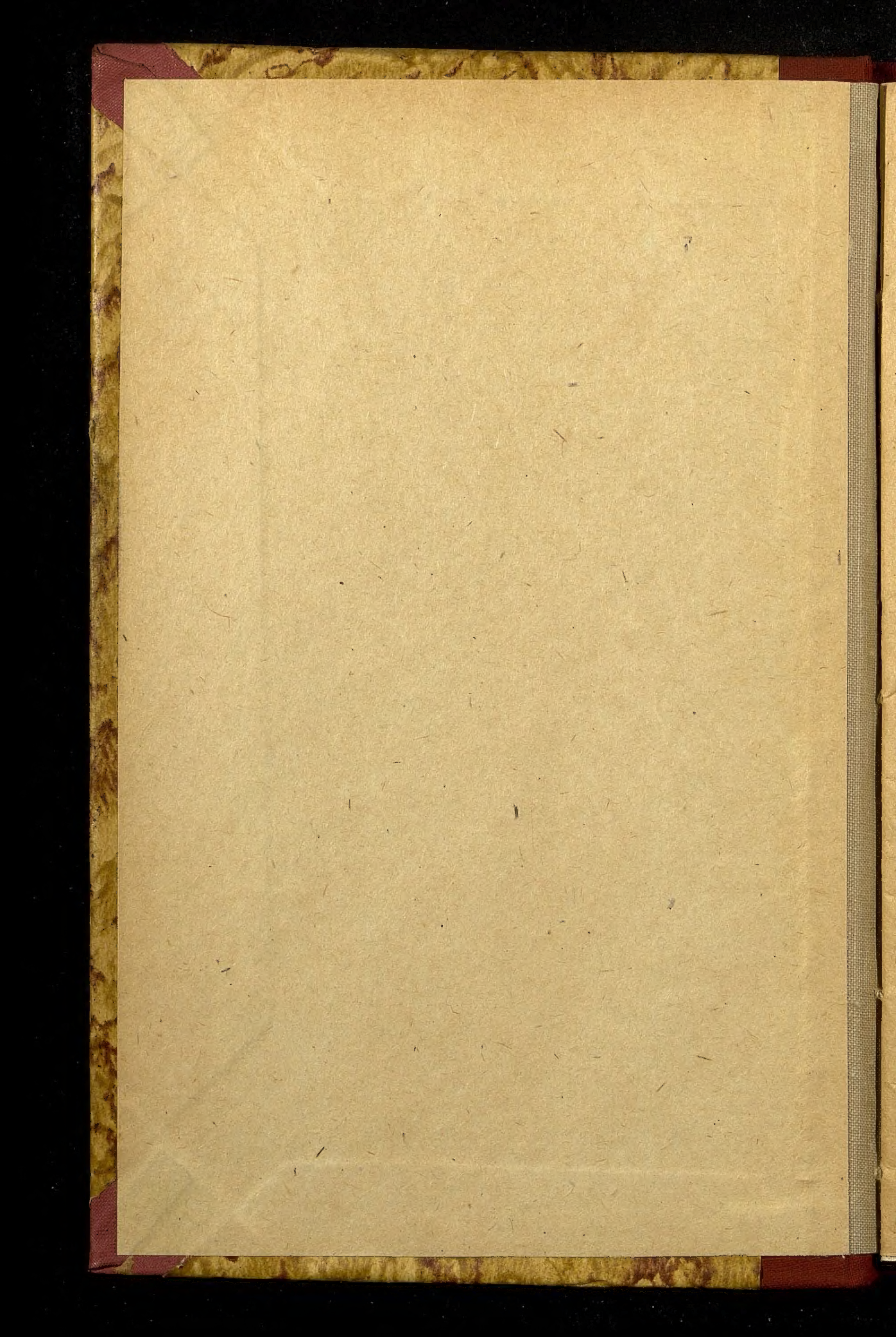

Ю
П·30.

М. А. Петров

ДВА БОЯ

(Черноморского флота с л. кр. „Гебен“ 5-IX-1914
и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915)

Редакц.-Изд. Отдел М. Сил РККФ
ЛЕНИНГРАД
1926

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М. А. Петров

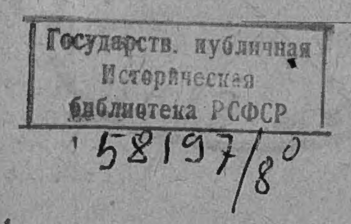
ДВА БОЯ

(Черноморского флота с л. кр. „Гебен“ 5-IX-1914
и крейсеров Балт. флота у о. Готланд 19-VI-1915)

Редакц.-Изд. Отдел М. Сил РККФ
ЛЕНИНГРАД
1926

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Ленинградский Гублит № 14770. Тираж 2000—4 л. Заказ № 1642.
Типография Морских Сил РККФ. зд. Главного Адмиралтейства.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Когда один из русских артиллерийских офицеров [1]), прикомандированный к английскому флоту во время мировой войны, перед от'ездом в Россию был с прощальным визитом у командующего 1-й эскадрой, адмирала Madden, последний сказал ему: „Ваше самолюбие может быть удовлетворено: Grand Fleet стреляет по русским методам стрельбы".

Эта фраза не была комплиментом. Англичане не слишком склонны признавать чье бы то ни было и в чем бы то ни было превосходство над их собственным флотом. Признание английского адмирала являлось следствием обстоятельнейшего рассмотрения русских правил стрельбы и организации морской русской артиллерии. Сравнение достижений в области артиллерии привело к тому, что в английские правила были введены существенные коррективы.

Впрочем, мы сами на флоте знали, по опыту частых практических стрельб, что это дело поставлено хорошо, и русские артиллеристы встретили мировую войну с полной уверенностью в своем оружии.

Как же могло случиться, что в двух, сравнительно крупных боевых столкновениях, описанию и разбору которых посвящена настоящая книжка, русские флоты—как Балтийский, так и Черноморский—не оправдали ожиданий, и оказались не в состоянии осуществить того мощного артиллерийского огня, которым много раз любовались на стрельбах,—зафиксированного на многих „графиках", диаграммах и даже на кинематографической ленте? Почему в бою картина и результаты оказались совсем иными?

Этот вопрос неотвязно стоит перед нами при исследовании сражений Черноморского флота и русских крейсеров 5-го ноября 1914-го года и 19-го июня 1915-го.

Не кажется ли замечательным, что тот же самый отрицательный результат мы видим в условиях и обстановке, совершенно различных? В одном случае—флот Балтийский, в другом—Черноморский. Методы стрельбы—у каждого были свои: у первого—в основе лежал принцип децентрализо-

[1]) Капитан 2-го ранга С. А. Изенбек.

ванной стрельбы, у второго, наоборот, — централизованная стрельба ставилась в основу всей артиллерийской подготовки; элементы сражающихся, их состав, характерные черты командования, наконец, построение операций, приведших к бою,—все было различно... Общая же оценка обоих сражений—приблизительно совпадает: ни тут, ни там флот не решил своей задачи, как, казалось бы, он мог и должен был решить, располагая прекрасной артиллерийской подготовкой.

Мы нарочно взяли эти оба боя и свели их в одно параллельное исследование. Общие точки, общие причины здесь дают возможность сделать выводы, характеризующие широкую постановку вопроса о тактике русского флота и ее боевой проверке.

Эти выводы приводят нас к тому, что одно артиллерийское искусство, как бы очевидно и как бы велико ни было его значение в боеспособности флота, не исчерпывает всех требований, которые пред'являет обстановка боевого столкновения. Они указывают, что оно само должно питаться идеями, охватывающими всю проблему боя, лежащими в области широкого понимания боевых задач и вызывающими необходимость избегать переоценки частностей, хотя, может быть, и очень важных, но не решающих проблемы боя в целом.

Нужно ли доказывать, что именно в этой плоскости мы найдем ответ на вопрос: *почему русский флот, отлично стрелявший в мирное время, не дал столь же блестящей стрельбы в условиях боя?*

М. П.

ГЛАВА I.

Бой Черноморского флота с германским лин. кр. «Гебен» 5/18 ноября 1914 г.

Обстановка на Черном море в начале мировой войны.

Россия не ограничивалась оборонительными стремлениями в Черном море. Ее политика постоянно имела конечную цель — захватить проливы и Константинополь, что, с одной стороны, в корне разрешало задачу обороны, а с другой — открывало бы доступ к Средиземному морю, путь к которому находился фактически в руках Турции и стоявшей за ней коалиции Европейских держав.

Планы экспедиции на Босфор и захвата Константинополя не сходят с программы русской политики и стратегии в течении всего XIX века; приготовления к ним возникали каждый раз, как только осложнялась обстановка в Турции.

Для этого нужен был, прежде всего, сильный Черноморский флот, способный обеспечить эту операцию.

Но Босфорская проблема сочеталась с задачами, которые преследовала Россия в других морях, в частности, на Балтике и Дальнем Востоке. Постройка Балтийского флота, в предвидении войны с Германией, требовала громадных средств, что сказывалось на систематическом сокращении затрат для поддержания Черноморского флота в составе, необходимом для выполнения его ответственных задач.

В то время, как создание Балтийского флота было нормировано программами, охватывающими планомерное его усиление, черноморские судостроительные программы, преследуя цель поддержания нашего господства на Черном море, возникали спорадически, под угрозой потери тако-

вого, в связи с усилением флота Турции. Уже по одному этому они проходили с запозданием, которое становилось еще значительнее в виду необходимости оборудования судостроительной базы в Николаеве для создания современных кораблей.

До 1910 года Россия ограничивалась достройкой на Черном море судов, заложенных в период русско-японской войны (*Евстафий*, *Златоуст*).

Между тем, весной этого года были получены сведения о покупке Турцией в Англии трех строющихся южно-американских дредноутов, что самым радикальным образом изменяло соотношение сил на Черном море.

Это обстоятельство побудило русское правительство к выработке судостроительного плана для Черноморского флота, и в 1911 году были заложены в Николаеве три линейных корабля (*Екатерина II*, *Императрица Мария* и *Александр III*), 9 миноносцев типа *Новик* и два легких крейсера (*Нахимов* и *Лазарев*). Затем, перед самой войной, в начале 1914 года был заложен четвертый линейный корабль (*Николай I*), еще два легких крейсера (*Корнилов*, *Истомин*) и подводные лодки.

Выполнение этой программы обеспечило бы безусловное превосходство русского флота сравнительно с турецким, тем более, что Турции фактически удалось приобрести лишь два заканчивавшихся в 1914 году линейных корабля (*Осман*, *Решад*).

Русские дредноуты могли вступить в строй лишь начиная с 1915 года (последний в 1918 году); до их готовности преимущество на море должно было принадлежать туркам, флот которых, с 1914 года, получал явное преобладание над нашими устарелыми судами.

Таким образом, 1914 год на черноморском театре являлся критическим для России.

Как известно, вступление Англии в войну дало возможность, в предвидении выступления Турции на стороне центральных держав, задержать выпуск со стапелей турецких дредноутов, которые, по их готовности, были включены в состав английского флота. Но за то Германия усилила турецкий флот передачей ему линейного крейсера *Гебен* и легкого крейсера *Бреслау*, что более чем удваивало морские силы турок, давая в руки последних мощное тактическое соединение, по качествам своим не имевшее равного в составе русского флота.

Таким образом, к началу войны России с Турцией соотношение линейных сил их флотов было следующим:

Линейные корабли.

Русские:

НАИМЕНОВАНИЕ.	Число орудий на борт.				Ход.
	12″	10″	8″	6″	
Евстафий	4	—	2	6	16
Златоуст	4	—	2	6	16
Пантелеймон	4	—	—	8	16
Ростислав	—	4	—	4	15
Три Святителя	4	—	—	7	16
Итого	16	4	4	31	—

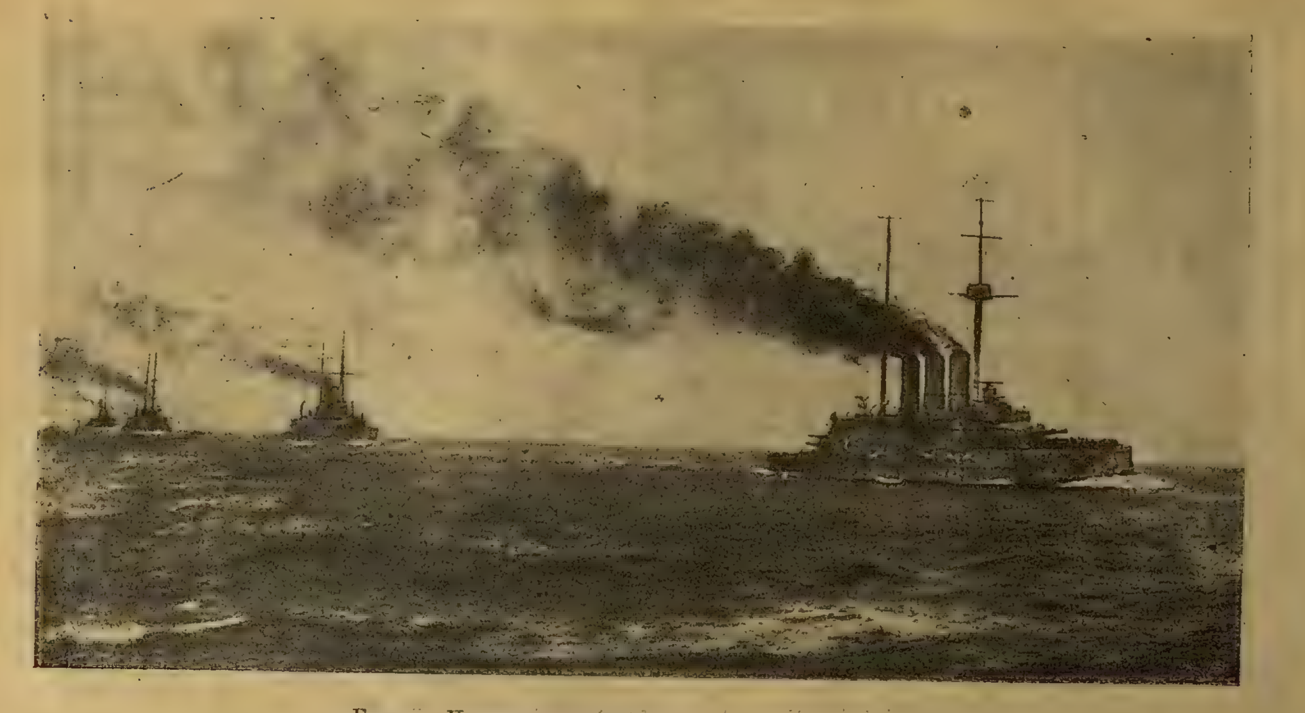
Германо-турецкие:

НАИМЕНОВАНИЕ.	Число орудий на борт.			Ход.
	11″ (нов.)	11″ (стар.)	6″	
Гебен	10	—	6	28
Барбаросса-Хайреддин	—	6	—	17
Тургут-Рейс	—	6	—	17
Итого	10	12	—	—

Примечание. Более подробные сведения о тактических данных—см. приложение № 2.

Наличные русские линейные суда уступали турецким, как в общем количестве крупной артиллерии, так, и это особенно важно отметить, в скорости хода.

Линейный крейсер *Гебен* был единственным современным кораблем на Черном море. Его мощная артиллерия, подавляюще большой ход (27 узлов против 15—16 узлов

Бригада Черноморских линейных кораблей в 1914 г.

русских линейных кораблей) давали ему громадные преимущества перед противником. В отношении артиллерии и бронирования он мог с успехом сражаться с тремя самыми сильными русскими кораблями; его громадный ход позволял ему, без риска быть настигнутым тихоходным противником, свободно совершать операции на Черном море, имея возможность всегда избежать нежелательной встречи.

Что касается прочих классов судов, состоявших в строю флотов к моменту начала войны, то их состав виден из следующей таблицы:

Крейсеры.

Русские:

	Вооружение на борт.	
Кагул	8—6″	23 узла
Очаков	8—6″	23 „

Турецкие:

	Вооружение на борт.	
Бреслау	6—4″	27 узлов
Меджидие	2—6″, 4—4″	22 узла
Гамидие	2—6″, 4—4″	22 „

Миноносцы.

Русские:

	Вооружение на борт.		
5 типа *Быстрый* . .	3—100 мм.,	10 т. апп.	35 узл.
4 „ *Шестаков* . .	1—4,7″, 5—57 мм.	3 „ „	25 „
9 „ *Ж и З* . . .	5—47 мм.	2 „ „	25 „
4 „ *С*	1—75 мм., 3—47 мм.	2 „ „	25 „

Турецкие:

	Вооружение на борт.		
4 типа *Милет*	2—88 мм.	3 т. апп.	35 узл.
4 „ *Самсун*	1—65 мм.	2 „ „	28 „
2 „ *Сответ*	2—4″, 6—57 мм.	2 „ „	

Крупным преимуществом русского флота являлось сравнительно большое количество миноносцев и, в частности, наличие вступивших в строй эскадренных миноносцев типа

Быстрый. Однако, использование их затруднялось отсутствием хороших средств разведки для поисков противника в море; атака же неприятеля в Босфоре представлялась мало вероятной, ввиду сильной местной oбброны последнего.

К числу условий, самым тяжким образом сказывавшихся на общем стратегическом положении Черноморского флота, следует отнести отсутствие других баз, кроме Севастополя, достаточно выдвинутых в море по направлению к Босфору. Севастополь расположен в 280 милях от него. Постоянное наблюдение Босфора, а тем более его блокада, при необходимости базирования на столь удаленную базу, являлось почти недоступным для наличных русских сил.

Вышеуказанное соотношение боевых средств русского и турецкого флотов в начале войны не давало возможности первому считать свое превосходство на Черном море сколько-нибудь устойчивым. Значительно уступая противнику в ходе, русский флот поэтому был лишен возможности выбора тактических условий боя, для себя выгодных, и не мог принудить его к решительному бою. Инициатива принадлежала неприятелю. Черноморский флот не мог разделять свои силы, ибо каждая отдельная часть его могла быть без труда разбитой противником, даже одним *Гебеном*. Он был принужден выполнять свои операции соединенно, всем составом, периодически возвращаясь в порт, оставляя на это время господство на море полностью за противником.

С другой стороны, вся сила турок на море основывалась на наличии в их флоте *Гебена*. С выводом последнего из строя, обладание морем переходило в руки русского флота. Следовательно, *одна из главных задач последнего состояла в том,* чтобы напрячь все усилия и *не упустить случая поразить Гебена*.

Встреча же с *Гебеном* в открытом море могла быть только *случайной*, ибо расчитывать пойти и догнать его — наш флот не мог.

Сказанное намечало русло, по которому должна была идти мысль командования Черноморским флотом.

Стратегически, это означало—сосредоточить все внимание к Босфору, стремясь пресечь операции противника в исходном пункте, при выходе его в море, ибо затем — задача погони и принуждения к бою была недостижима для русского флота.

Тактически—в предвидении возможности боя с *Гебеном* подготовка флота должна была быть сообразована с характером боя, каковой представлялся в виде быстрой, носящей, вероятнее всего, случайный характер, — встречи. Сле-

довательно, вся тактика Черноморского флота должна была быть проникнута стремлением самым полным образом использовать каждое мгновение боя, чтобы нанести удар, который не мыслился в виде длительного артиллерийского состязания, а непременно должен был быть быстрым и мощным.

Отсюда вытекал ряд требований к походному порядку флота, который должен был допускать развертывание в минимальное время; к маневрированию, которое ни в коем случае не должно было быть связанным длительными и громоздкими перестроениями; к управлению судовым огнем, которое должно было считаться с необходимостью развить полную мощь огня в каждый данный момент; к боевой организации флота и т. п.

Эти задания вытекали из сопоставления сил и анализа обстановки. *Их возможно и должно было предвидеть.* Им должна была быть подчинена подготовка флота и оперативная мысль его командования.

Общий ход событий на Черном море до боя 5 ноября.

Чтобы связать имевший место 5 ноября 1914 года бой Черноморского флота с *Гебеном* с обстановкой на Черном море к этому моменту и составить суждение об идеях, руководивших деятельностью русского командования, бросим общий взгляд на ход событий на Черном море, предшествовавших этому бою.

После об'явления Германией войны России, командующему Черноморским флотом были преподаны инструкции— избегать явно агрессивных мероприятий, кои могли послужить предлогом для Турции к вступлению ее в войну.

При этом министр иностранных дел, согласно с мнением наших союзников, сообщил командующему Черноморским флотом, адмиралу Эбергарду, что с политической точки зрения представляется нежелательным, чтобы инициатива разрыва с Турцией исходила от нас.

На основании этого, командующий Черноморским флотом решил, сосредоточив флот в Севастополе, занять выжидательное положение, имея негласное наблюдение за германо-турецким флотом посредством пароходов, совершающих периодические рейсы между русскими портами и Константинополем.

В середине августа произошло крупнейшее событие, радикально изменившее обстановку: к турецкому флоту присоединились линейный крейсер *Гебен* и легкий крейсер *Бреслау*.

Вследствие этого, принимая во внимание, что уничтожение *Гебена*, обеспечивая за нами неоспоримое господство на Черном море, могло бы удержать Турцию от выступле-

ния, командующему флотом 18 августа, по соглашению с министром иностранных дел, было разрешено, при появлении *Гебена*, „действовать по усмотрению“ в случае, если обстановка будет благоприятна. Иначе говоря, командующему флотом предоставлялась возможность атаковать *Гебена*, если он его встретит в море.

Согласно этому, флот для поисков *Гебена* в сентябре 1914 года дважды выходил в море и крейсеровал в западной его части, но оба раза не встретил *Гебена*.

В дальнейшем министерство иностранных дел изменило свое отношение к этим заданиям и, опасаясь дать повод Турции для вступления в войну, настояло, чтобы разрешение командующему Черноморским флотом „действовать по усмотрению“ было отменено и взамен чего было приказано „не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения“.

В силу этого, Черноморский флот, до начала войны с Турцией, при своих выходах в море не удалялся от Севастополя более нежели на 60 миль.

Неопределенность и неясность заданий флоту, „выжидательное положение“, к которому был принужден последний, имели тяжелые стратегические последствия в виде предоставления туркам инициативы начала войны, чем они и воспользовались.

15 октября, вернувшись из учебного плавания в Севастополь, адмирал Эбергард получил от начальника морского генерального штаба извещение о начале войны с Турцией.

Предупредив об этом вверенные ему морские силы, командующий флотом приказал минному заградителю *Прут*, посланному незадолго перед этим в Ялту, к рассвету 16 октября вернуться в Севастополь.

В этот момент дислокация флота была следующей: за исключением мин. загр. *Прут*, находившегося в море, главные силы сосредоточены в Севастополе, в Одессе стояли канонерские лодки *Донец* и *Кубанец* и заградитель *Бештау*, а в Батуме заградитель *Дыхтау* и вооруженный пароход *Березань*.

В ночь с 15 на 16 октября в $3^1/_2$ ч. утра три турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани кан. лодку *Донец* и утопили ее миной.

В тот же день, в $6^1/_2$ ч. утра при легком тумане у Севастополя появился *Гебен*, который выпустил несколько залпов по рейду и вступил в перестрелку с береговыми батареями. При этом он прошел через крепостное минное заграждение, *оказавшееся незамкнутым* [1]), и вскоре скрылся

---

[1]) Дело Морискома № 7137.

в тумане. Недалеко от Севастополя он встретил возвращающийся *Прут* и открыл по нем огонь. На *Пруте* вспыхнул пожар, после чего, открыв кингстоны, он был затоплен.

В тот же день на рассвете турецкие крейсера обстреливали Новороссийск и Феодосию.

Это нападение застигло Черноморский флот совершенно врасплох. Он стоял без паров и мог быть готовым к выходу только днем, спустя несколько часов после указанных событий.

Предполагая возможность заграждения входа в Севастополь минами, командование приказало протралить выходной фарватер, почему флот вышел лишь около 3 часов дня 16 октября. Пробыв в крейсерстве в течении трех дней, до 19 октября, флот вернулся, конечно, уже не встретив неприятеля.

После выхода флота из Севастополя, по приказанию командующего флотом адмирала Эбергарда, с отряда заградителей было поставлено на подступах к Севастополю минное заграждение, на что была употреблена большая часть минного запаса Черноморского флота. Эти мины предназначались по плану для активных постановок, и в частности для минирования Босфора. С израсходованием большей части мин в распоряжении Черноморского флота осталось ничтожное их количество, сравнительно с потребностью для предполагавшихся обширных заградительных операций в Босфоре.

Таким образом, начало войны на Черном море ознаменовалось крупными неудачами русского флота, в значительной мере об'яснимыми той неопределенной позицией, которую заняло правительство, стремившееся избегнуть войны с Турцией и дававшее условные директивы адмиралу Эбергарду.

С другой стороны и командование Черноморским флотом допустило ряд крупных промахов. Получив накануне известие об об'явлении войны, адмирал Эбергард должен был ждать внезапной атаки неприятеля, хотя бы по аналогии с опытом нападения японских миноносцев на Порт-Артурскую эскадру (26 января 1904 года).

Между тем, организация охраны рейда в Севастополе была явно неудовлетворительной. В ожидании прихода с моря *Прута* минное заграждение оставалось выключенным. Оно не было замкнуто и тогда, когда батареи уже видели *Гебена* и вступили с ним в перестрелку. (Ждали приказания из штаба, не рискнув включить его по собственному почину).

Гебен — безнаказанно бомбардировал порт.

Затем — командование сделало несомненную ошибку, поставив мины заграждения у Севастополя в ущерб активным задачам флота.

В обстоятельствах, сопровождавших начало войны на Черном море, можно было видеть признаки несостоятельности командования Черноморским флотом; предзнаменование это нашло себе в последующие годы войны новые подтверждения, выразившиеся в упущении ряда возможностей поражения противника, в частности—отсутствие оперативной инициативы привело к тому, что Черноморский флот, даже после значительного усиления новыми линейными судами, не проявил той деятельности, которую от него должно было ожидать.

По получении известий о нападении турецкого флота, главным командованием была представлена адмиралу Эбергарду полная свобода действий и указано, что задачей ему ставится воспрепятствование неприятельскому десанту, который по имеемым сведениям подготовлялся в Константирополе.

Так как поступавшие сведения указывали на намерение турок произвести внезапную высадку в районе Одессы для для уничтожения Одесского порта и нападения на судостроительные заводы в Николаеве, где спешно достраивались наши линейные корабли, миноносцы и подводные лодки, адмиралу Эбергарду было вскоре подтверждено, что главной целью Черноморского флота является воспрепятствование десанту вообще и в районе Одессы в особенности, причем признано необходимым принять все меры к наблюдению за противником. (В действительности турки, конечно, никакого десанта на Одессу [1]) не предполагали и это сообщение, вероятно исходившее из германских источников, преследовало лишь одну цель — приковать флот к берегам, ввести его в заблуждение относительно действительных намерений противника).

Поставленная флоту задача в полной мере разрешалась лишь путем приобретения, после решительного боя с противником, господства на Черном море. Но уже в ближайшее время после начала войны выяснилось, что противник (турецкий флот, оперировавший в Черном море, фактически состоял из *Гебена, Бреслау, Меджидие, Гамидие* и больших миноносцев; прочие суда в море не выходили), пользуясь преимуществом в скорости хода, избегает решительного боя, причем наш флот, не имея в своем составе достаточно быстроходных кораблей, не только лишен возможности вести за противником действительное наблюдение, но и не в со-

---

[1]) Дело Морискома № 7028.

стоянии парализовать деятельности турецких крейсеров. При такой обстановке — единственным средством принудить противника к решительному бою являлась тесная блокада Босфора, которая вместе с тем пресекала бы всякую его деятельность на Черном море. Однако, тесная блокада Босфора не могла быть осуществлена как вследствие того, что по близости него не было в распоряжении нашего флота удобного пункта для устройства блокадной базы, так и потому, что решительный бой у берегов противника, при отсутствии явного над ним превосходства в силах, представлялся опасным, ибо наши поврежденные в бою корабли могли не дойти до Севастополя [1]).

Так оценивало командование Черноморским флотом обстановку и в этом духе оно направляло свои операции.

Вследствие этих соображений, деятельность Черноморского флота ограничивалась: заграждением Босфора, обстрелом имеющих стратегическое значение пунктов побережья, периодическими крейсерствами в поисках за противником, пользуясь случайными (преимущественно агентурными) сведениями о появлении его в море.

В первый поход с 23 по 24 октября было поставлено минное заграждение у Босфора, выполнена бомбардировка Зунгулдака с целью воспрепятствовать вывозу угля из Гераклийских копей, для которых Зунгулдак является главным вывозным пунктом. После этой операции, на обратном пути флот потопил несколько турецких транспортов, везших в Анатолийские порты продовольственные запасы и материалы для Анатолийской армии.

25 октября флот возвратился в Севастополь.

25 октября *Бреслау* бомбардировал Поти.

Следующий поход флота был назначен на 1—2 ноября.

Его целью было произвести бомбардировку Трапезунда, поставить минные заграждения на подходах к турецким портам анатолийского побережья.

Из обзора операций Черноморского флота в первоначальный период войны видно, что лишь первый поход его, после нападения на Севастополь, имел целью найти *Гебена* и вступить с ним в бой. Последующие же походы— преследовали другие стратегические задачи, и бой с *Гебеном* предусматривался лишь как возможная случайность. Походы эти, после заграждения Босфора, были направлены к Анатолийскому побережью, в южную и юго-восточную часть моря, преимущественно.

---

[1]) Дело Морискома № 7028.

Гебена ни разу не встречали. К этому привыкли, считаясь с убеждением в его неуловимости. Но не было напряженного искания встречи с ним, готовности использовать каждый момент этой встречи, буде таковая случится.

Такая встреча имела место 5-го ноября 1914 года. Она продолжалась всего 14 минут. Но в эти 14 минут от искусства командующего и подготовки флота зависела возможность повернуть самым радикальным образом ход событий на Черном море.

Описание боя [1]).

Походный порядок русского флота.

После трехдневного похода, имевшего целью уничтожение портовых сооружений в Трапезунде, осмотр прибрежных вод Анатолии и постановку минных заграждений у нескольких пунктов ее побережья, флот возвращался в Севастополь.

На пути, 4-го ноября, командующий флотом получил из морского генерального штаба уведомление, что *Гебен* находится в море. Уголь был на исходе, специальных поисков *Гебена* предпринимать не представлялось возможным и флот продолжал свое движение, повидимому, не слишком расчитывая на случайную встречу с противником.

Утром 5-го ноября погода была тихая, легкий туман, горизонт дурной, в особенности W и NW части.

Флот шел в следующем походном порядке:

Линейные корабли (*Естафий* — фл. ком. флотом, *Златоуст, Пантелеймон, Три Святителя, Ростислав)* — в одной кильватерной колонне. Сзади линейных кораблей, подивизионно, миноносцы (I дивизион т. *Гневный,* III дивизион т. *Шестаков,* IV и V дивизионы типа *Ж* и *З*). Крейсеры в дозоре в 3,5 милях от флота: *Алмаз* впереди, справа — *Память Меркурия,* слева — *Кагул* (см. сх. № 1).

Имея в виду не только изложение событий боя, но и тактический его анализ, нам приходится особенно внимательно рассмотреть особенности походного порядка флота, определившего собой исходное положение для его развертывания при встрече с *Гебеном.*

Как указывалось выше, встреча могла носить случайный характер и быть быстротечной, так как для *Гебена* бой с соединенными силами Черноморского флота не представлялся выгодным. Вероятнее всего, он стремился бы не вря-

---

[1]) Основными материалами при описание боя служило донесение Эбергарда о бое (дело Морискома № 764) и, описание составленное В. Смирновым (Ист. Отд. Штаба РККФ дело № 1418).

зываться в продолжительное сражение, а поспешил бы уйти.

В данном случае, ввиду тумана и дурной видимости горизонта, вероятность случайной встречи увеличивалась,

Схема № 1.

причем все данные были за то, что противник обнаружится на небольшой дистанции, сразу выйдя из мглы.

Так как адмирал Эбергард знал о присутствии *Гебена* в море и не имел никакого основания быть убежденным,

Лин. крейсер *Гебен*.

что встреча с ним не произойдет, то, казалось бы, первой заботой его должно было быть соответственное построение походного порядка, чтобы иметь возможность:

а) в кратчайшее время перестроиться в боевой порядок, дабы сразу же атаковать неприятеля;

б) избрать такой строй, который дал бы возможность всем кораблям принять участие в атаке;

в) предусмотреть необходимость обезпечения атаки путем задержания противника в боевом соприкосновении с флотом, стремясь продлить время атаки, а затем — эксплоатировать ее.

Ориентирующим соображением для построения походного порядка могло служить наиболее вероятное направление в котором более всего шансов обнаружить противника: *впереди курса.*

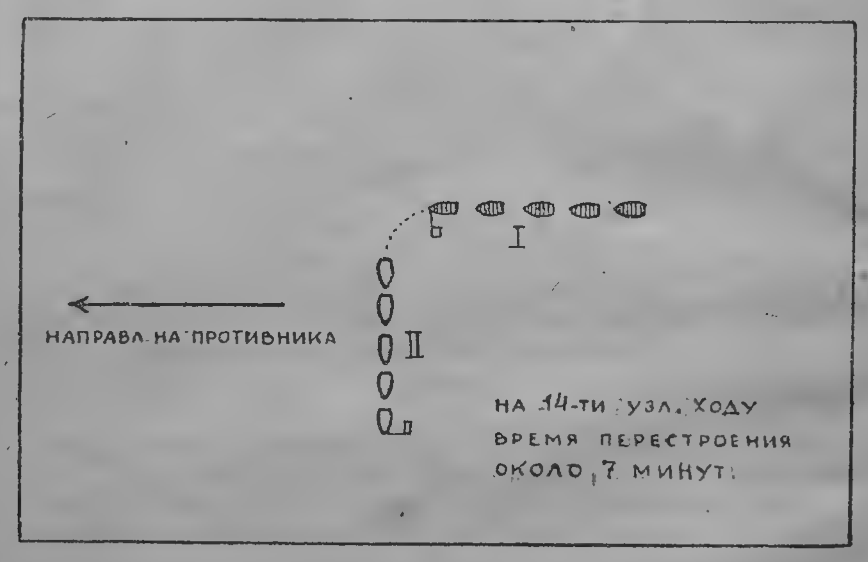

Схема № 2.

В действительности же, линейные корабли (см. схему № 1) идут в строе кильватера, что представляет большие удобства при соединенном плавании, так как „следуя движению головного“ суда автоматически воспроизводят маневры адмирала, они — как бы „на привязи“ у него. Но в случае появления противника впереди, они обречены на длительный поворот, чтобы выстроить линию строя, дающую возможность ввести все орудия в бой.

„Выгодным“ курсовым углом, на который в этом случае должен был лечь флот, являлся к. у. около 80°— 90° [1]).

Таким образом, схема поворота рисовалась бы в таком виде—см. схему № 2.

---

[1]) Большие поправки на к. у. — следствие централизованной стрельбы, когда все суда колонною сосредоточивают огонь по одной цели.

Между тем, если бы командующий флотом был проникнут идеей необходимости „кратчайшего развертывания“, каковая диктовалась самой обстановкой, то он вероятно избрал бы другой походный порядок, дающий возможность сократить время перестроения покрайней мере на половину. Это достигалось, например, строем двух кильватерных колонн, с достаточными интервалами между ними (см. схему № 3).

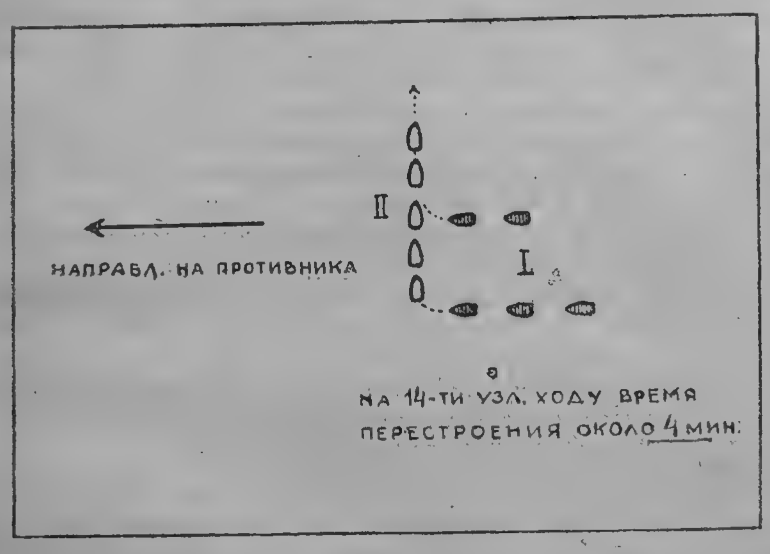

Схема № 3.

Но разделение флота, даже в походном порядке, противоречило организации артиллерийской службы. Принцип „централизованного“ управления огнем требовал, как жесткое правило — маневрирования флота в одной кильватерной колонне с точным удержанием места в строю. Момент незаконченного перестроения при открытии огня срывал организацию централизованной стрельбы. Флот не мог разделиться, корабли были привязаны друг к другу, и — вместе — к кильватерной колонне.

Командующий флотом шел на головном корабле. Но управляющий централизованным огнем — на *Златоусте*, втором в линии. Командующий флотом и командующий главным оружием, артиллерией, *были разделены*, находясь на разных судах. Сделано было это, исходя из соображений, что второй корабль будет менее подвержен огню противника, его средства связи будут более сохранены, а артил-

лерист относительно спокойно сможет управлять огнем бригады. Таким образом, инициатива маневрирования — была у адмирала, ведение огня — у артиллериста. Их поступки могли оказаться несогласованным; мало того, они могли противоречить друг другу.

> *Примечание.* Вот она, эта зловредная тенденция, которая имела место на русском флоте, следствие чисто артиллерийского понимания тактики морского боя! командующий — как бы отстранен от артиллерии: он —„себе", и артиллерия —„себе". Последствия такой организации не могли не сказаться в бою!

Наконец, сама система централизованного огня пред'являла для дальнейшего маневрирования флота жесткие требования, лишающие боевую организацию основного свойства, необходимого в сражении: *гибкости.* В данном случае, при бое целого соединения с одним кораблем это чрезвычайно осложняло действия первого.

> *Примечание.* Главным доводом „централизованной стрельбы", культивировавшейся на Черноморском флоте, было соображение о необходимости всем кораблям сосредоточивать огонь по *Гебену*, при каковом условии флот мог осуществить превосходство огня перед последним. В пользу этого стремления было пожертвовано многими другими требованиями тактики и прежде всего гибкостью маневрирования.
>
> Насколько искусственна была организация централизованной стрельбы, насколько она мало была сообразована с боевой обстановкой—показал последующий бой. Но это можно было предвидеть и раньше.

Таким образом, походный строй линейных кораблей и организация управления ими предопределяли — во первых длительное развертывание, во вторых — негибкость флота в бою, и наконец в третьих — возможность дезорганизации командования.

Но помимо линейных кораблей, в составе флота были 4 дивизиона миноносцев, среди них, 1-й из новейших миноносцев типа *Быстрый*, имевших 35-узловой ход и сильное минное вооружение; это были единственные суда, обладавшие значительным преимуществом в скорости перед *Гебеном*, как раз те, которые могли взять на себя задачу поисков и преследования его, смелой атакой задержать или вынудить его на повороты и маневрирование, с целью обеспечить развертывание и артиллерийский бой в выгодных условиях собственным линейным кораблем, столь медленным в своих движениях и столь негибким в своей организации.

Имея миноносцы впереди, расположить их походный порядок так, чтобы они могли сразу атаковать обнаруженного противника, охватив его кольцом четырех дивизионов, или ударив с двух сторон, может быть—подорвав его, чтобы сделать потом добычей линейных сил флота, и решить проблему принуждения к бою неуловимого *Гебена*; наконец, придав миноносцы дозорным крейсерам, — углубить их наблюдение, чтобы заручиться лишними минутами для развертывания,—все это было в кругу доступных возможностей для командования Черноморским флотом.

В действительности же, таких намерений у адмирала Эбергарда не было: миноносцы шли сзади линейных кораблей, крейсера — были одни.

При обнаружении противника, миноносцы должны были предпринять долгое маневрирование, чтобы итти в атаку, они *последними* могли увидеть противника, и рисковали не успеть атаковать его.

Все это мы читаем в походном порядке Черноморского флота. Я обмолвился выше, что бой продолжался всего 14 минут. Что мог флот сделать за это время, когда его исходное для развертывание положение — было столь неудачным?

Здесь, как часто и при разборе других сражений, возникает вопрос о причинах, побудивших командование, в данном случае адмирала Эбергарда, поступиться столь очевидными и столь необходимыми требованиями к боевому порядку.

Причин могло быть много: недостаток угля, необходимость вернуться в Севастополь за его пополнением, рутинные нормы тактики, несоответственная подготовка, недостаточная предусмотрительность, и т. п.

Но над всеми этими причинами, их покрывающей и черпывающей, несомненно была одна: отсутствие у командующего, упорного, непоколебимого стремления к атаке, отсутствие предприимчивости и инициативы, отсутствие сильной воли к победе вообще. Этого не было у адмирала Эбергарда, не было, следовательно, и импульса, который подсказал бы ему иное решение походного порядка для флота.

Черноморский флот здесь вновь был застигнут „врасплох" *Гебеном*, как и в начале войны в Севастополе.

Развертывание и бой.

В 12 час. 10 мин., находясь в 39 милях на SW от Херсонеского маяка (шир. 42° 02′ N, долг. 33° 51′, 0°) дозорный крейсер *Алмаз* увидел в $3^1/_2$ милях от себя неприятеля. Сделав сигнал „вижу неприятеля", *Алмаз* вернулся к флоту, заняв место сзади линейных кораблей (см. сх. № 4).

На судах была пробита „боевая тревога“.

Следуя повороту флагманского корабля *Евстафий*, дивизия линейных кораблей начала последовательно ворочать влево, приводя противника на курсовой угол 90°. Флот делал свой громоздкий поворот „на месте“, не пытаясь сколько нибудь сблизиться с противником (см. сх. № 5).

Вскоре после поворота, на *Евстафии* было замечено, что силуеты принадлежат *Гебену* и *Бреслау*. Сильная пасмурность, а так же и дым судов флота, стлавшийся низко, благодаря сырости воздуха, и направлявшийся к западу, препятствовали хорошему определению расстояния дальномерами. Первое достоверное расстояние было получено *Евстафием*—40 каб.

Схема № 4.

40 каб.! Эта дистанция — самая выгодная для действительного огня 12″ и 8″ орудий, составлявших вооружение эскадры. На ней линейные корабли могли развить быстрый огонь, засыпать *Гебена*! в 5—10 минут попаданиями. Этого срока было бы достаточно, чтобы огнем 16—12″, 4—10″ орудий нанести ему крупные повреждения. Вот случай, о котором мог только мечтать командующий Черноморским флотом!

Но флот в это время еще не закончил своего поворота. *Евстафий* не имел права начать стрелять иначе, как по указанию управляющего огнем, находившегося на *Златоусте*.

Между тем, минуты шли. Наконец, сам адмирал Эбергард приказал открыть огонь, не дожидаясь *Златоуста*. *Евстафий* дал залп.

Этот залп *накрыл Гебена,* причем ясно видны были разрывы снарядов в его средней части.

Гебен, повидимому, лежавший на курсе О, стал поворачивать вправо, продолжая идти на сближение до первого

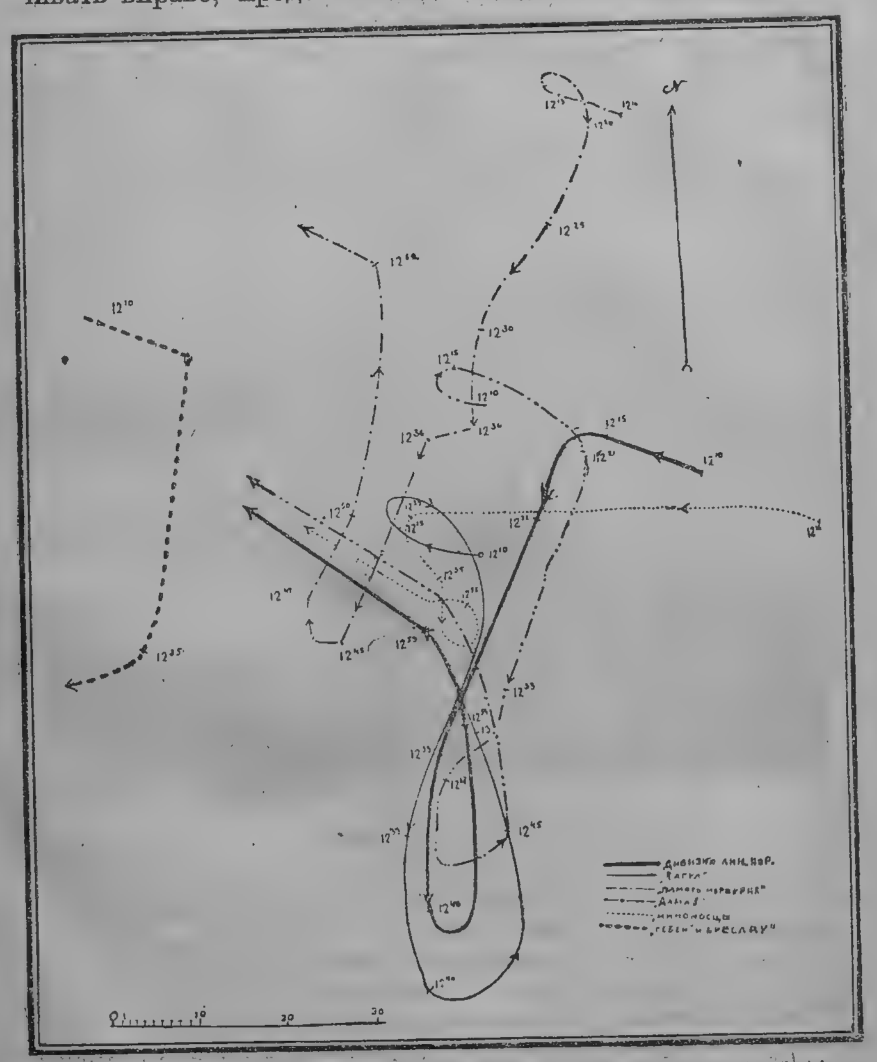

Схема № 5. Бой Черноморского флота с *Гебеном* и *Бреслау* 5 июля 1914 г.

русского залпа. После попадания *Евстафия,* он склонился на курс, параллельный нашей эскадре (см. схему № 5) и, приблизительно, минуту спустя, открыл огонь из всех башень, сосредоточив его на головном русского флота.

Бой начался.

„Но здесь произошла роковая ошибка, из-за которой была упущена **блестящая победа** *над Гебеном*[1]).

„Евстафий, по личному приказанию командующего, противно артиллерийской организации, выстрелил первым по своему собственному прицелу 40 каб. и не уведомил об этом управляющего централизованным огнем корабля *Златоуст*, дававшего в то же время по радиосети расстояние 60 каб., т.-е. с заведомым перелетом в 20 каб.

„Этим самым *Евстафий* сбил стрельбу всех остальных кораблей и не позволил открыть прямо „бешеного“ огня со

Залп с л. к. *Евстафий.*

всех судов бригады. *Златоуст* же взял неверное расстояние вследствие плохой видимости *Гебена* из-за тумана и дыма бригады, повернувшей относительно неприятеля таким неудобным образом. Следствием этого была нерешительная стрельба, причем *Златоуст* и *Три Святителя* стреляли с неверной установкой прицела. То же случилось и с 6″ огнем, который пустили по 12″ прицелу. Таким образом, стрельба оказалась ниже всякой критики, как в смысле меткости, так и скорострельности...“

---

[1]) Из письма одного черноморского артиллерийского офицера флагманскому артиллеристу Балтийского флота (дело Морискома № 7538).

Евстафий хорошо различал противника. На *Златоусте* его видела хорошо лишь носовая башня. На *Пантелеймоне* башни не видели противника совсем.

Концевой корабль флота *Ростислав* вел огонь по *Бреслау*, который скоро повернул и скрылся в тумане. По нему же был направлен огонь 6" орудий кораблей, стрелявших главным калибром по *Гебену*.

Гебен сосредоточил свой огонь на *Евстафии*. Его первый залп дал перелет в несколько сажень, причем один из снарядов пронизал дымовую трубу *Евстафия* (см. приложение — повреждения *Евстафия*). Второй — перелет. Третий — 2 попадания. В дальнейшем — стрельба прошла на недолетах.

Миноносцы, бывшие в походном порядке позади главных сил флота, сделали попытку идти в атаку, но не успели даже увидеть Гебен. Заметив *Бреслау*, они бросились за ним, но скоро потеряли его из виду.

Крейсера описывали сложные эволюции, стараясь занять свои места в боевом порядке, сзади и впереди строя линейных кораблей [1]).

В 12 ч. 35 м. силуэт *Гебена* стал плохо виден; вскоре он резко повернул и окончательно закрылся туманом, стрельба прекратилась.

Вот эти 14 минут боя.

Все опасения, которые возбуждали походный порядок флота и его боевая организация, нашли себе здесь полное подтверждение.

Противник был открыт на дистанции решительного боя. Флоту не хватило времени, чтобы развернуться и успеть развить полную мощь своего огня. Негибкая организация в связи с фактом отделения управляющего огнем от командующего, сделали свое дело — *стрельба была сорвана.*

Эскадра выпустила следующее количество 12" снарядов: *Евстафий* — 12, *Златоуст* — 6, *Три Святителя* — 12, *Пантелеймон* — ни одного. Между тем, откинув пристрелку, оставив только 5 минут на поражение, она могла бы за это время послать около 70 снарядов, из которых, в данных условиях боя—не один десяток мог бы быть брошен в борт и палубы *Гебена*.

Помимо дезорганизации стрельбы, в виду указанных выше причин, немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что дым своих кораблей стлался вдоль линии боя, закрывая цель. Казалось бы, командующий должен был

---

[1]) Посмотрите на схему № 5: неправда ли, удивления достойно невероятное количество эволюций и сложность маневрирования Черноморского флота, красноречиво иллюстрируемое схемой. Сколько на это ушло времени!
М. П.

это учесть, избрав иной курс и строй, но он, вероятно, не был свободен в силу требований к маневрированию, исходящих из правил централизованной стрельбы. Казалось бы, командиры сами могли выйти из строя, чтобы дать возможность своим башням видеть противника. Но та же причина удержала бы их от подобного маневра. Они были прикованы к кильватеру.

Остается только удивляться, как в этих условиях были все-таки достигнуты попадания в *Гебен!* Он получил 3—12" попадания и 11—среднего калибра, коими убито 12 офицеров, 103 матроса; ранено—7 офицеров, 52 матроса, произведен пожар и повреждения, потребовавшие двухнедельного ремонта.

Потери и повреждения *Гебена* превосходили таковые на русском флоте.

Это еще раз показывает, что отдельные корабли стреляли хорошо, и неудача может быть полностью отнесена на счет боевой организации и тактики.

Действия флота после боя.

Дальнейшие маневры адмирала Эбергарда, после ухода *Гебена,* также представляют глубокий интерес и, несомненно, поучительны.

Эбергард в своем донесении пишет: „Стрельба прекратилась. Ф л о т п р о д о л ж а л о с т а в а т ь с я н а п р е ж н е м к у р с е, в г о т о в н о с т и п р о д о л ж а т ь б о й, к а к т о л ь к о *Гебен* п о к а ж е т с я в н о в ь...“

Иначе говоря, флот н е п р е с л е д о в а л и курс его (см. схему № 5) остался перпендикулярным тому направлению, в котором скрылся *Гебен.* На нем флот продержался около 10 минут.

Конечно, не было никакого основания расчитывать, что *Гебен* покажется вновь. Этот маневр характеризует лишь растерянность командования.

Далее, в донесении командующего флотом говорится: „Около 12 ч. 40 м., не видя *Гебена* и имея намерение сблизиться с ним, я отдал приказание поворачивать вправо. Руль был положен право на борт, когда прямо по носу был усмотрен плавающий предмет. Остерегаясь возможности наброски плавающих мин, я изменил направление и сделал поворот влево...“

Таким образом, намерение преследовать, помимо того, что сильно запоздало, выразилось в виде поворота в сторону, *обратную той, в которой скрылся противник.*

Для начальника, имеющего твердую волю к продолжению боя, такие причины, как предположение наброски мин — неосновательны. Об этом можно еще было говорить в русско-японскую войну, когда Артурская эскадра подо-

зрительные предметы принимала за мины (между прочим, в бою 28 июля 1904 года, эти подозрительные предметы, принятые за мины, вызвали эскадру на поворот, смещали ее строй в ответственный момент открытия огня; об этом адмирал Эбергард должен был знать). Но в мировую войну такое предположение обоснованным не могло быть [1]) и, конечно, ни в какой степени не служило оправданием столь неудачного осуществления решения преследовать, *ворочая от противника.*

Гебен больше не появлялся. Флот направился к Севастополю „... для преследования миноносцами уходившего по неизвестному направлению большим ходом противника, не было достаточного запаса топлива, израсходованного за трехдневный переход“.

Между тем, как цитированное донесение, так и другие телеграммы о бое, посланные командующим флотом, да и в действительности это было так, свидетельствовали о повреждениях, полученных *Гебеном.* Командующий флотом не мог знать, насколько тяжелы эти повреждения. Он должен был в том убедиться, выслав в погоню миноносец 1-го дивизиона, чтобы атаковать его, если он потерял ход.

Жалкой иронией звучит телеграмма Эбергарда, посланная на другой день в Морской Генеральный Штаб [2]). „После вчерашнего боя *Гебен,* вероятно, имеет серьезные повреждения и ушел в Босфор. Настоятельно необходимо принять самые энергичные меры для установления его местопребывания и точных данных о его повреждениях. Представляется это легко выполнимым, пользуясь поддержкой и содействием нейтральных держав, также многочисленностью армянского и греческого населения, рассеянного по портам“.

Нет. Не при помощи „армянского и греческого населения“, не путем сношений с морским генеральным штабом адмирал Эбергард должен был выяснить результаты боя, а в особенности, „местопребывание“ *Гебена.* Он мог и должен был выслать миноносцы, при поддержке крейсеров, а затем и всего флота. Если в данный момент не хватало запасов топлива, то тотчас после экстренной его приемки.

Повреждения флота—были несущественны. Через 10 дней они были совершенны исправлены, и ни один корабль ни на одну минуту не был выведен из строя.

Непосредственных результатов описанный бой на ход дальнейших событий в Черном море—не имел. Случай по-

---

[1]) Бой произошел на глубинах, больших 100 саж.; уже по этой причине постановки мин, по крайней мере, якорных, нельзя было ожидать. *М. П.*

[2]) Дело Морискома № 764.

разить *Гебена* был упущен. Был еще, и не раз, он упущен потом, даже тогда, когда силы русского флота были значительно усилены вступлением в строй новых линейных кораблей. *Гебен* попрежнему имел возможность производить свои налеты на Черноморское побережье.

А между тем внимательное и своевременное изучение событий, о которых мы говорим, должно было убедить высшее командование, что командующий Черноморским флотом — не на высоте, что требуется назначение другого, более энергичного начальника; что надо в тактическую подготовку Черноморского флота внести существенные коррективы, что те дефекты, которые обнаружил этот бой, должны быть решительно устранены.

Но то было время, когда промахи и высказанная неспособность к боевому командованию не всегда влекли за собой увольнение. К Эбергарду благоволил Николай II, который не допускал его смещения. Его сместили только летом 1916 года, на третий год войны, когда к этим, описанным выше, промахам прибавился ряд других, и дальнейшее его оставление грозило полным провалом боевых операций русского флота на Черном море.

Был ли это лично адмирал Эбергард, или виной тому было влияние на него его флаг-капитана, человека с исключительно превратным взглядом на боевые операции, — трудно сказать. Но, несомненно, корень неудач лежал в плоскости несоответствия своему назначению командования.

А между тем, сами корабли Черноморского флота, в отношении боевых качеств личного состава и общей выучки, представляли прекрасный боевой материал, что и было ими не раз выказано в отдельных, мелких операциях, где младшим начальникам предоставлялась инициатива.

Приложение № 1.

Повреждения линейного корабля „Евстафий" полученные им в бою с „Гебеном".

5-го ноября 1914 года.

Представляет несомненный интерес описание повреждений линейного корабля *Евстафий*, каковое приводим в выдержках из работы В. М. Смирнова „Бой Черноморского флота с крейсером *Гебен*" (дело № 75 Морискома). (См. сх. № 6).

„... За бой получил повреждения только один головной корабль *Евстафий*. При первом перелетном залпе *Гебена*

один 11″ снаряд пробил среднюю дымовую трубу на высоте козырька и разорвался на другом борту. Он снес бортовую радиосеть и осколками незначительно повредил барказную шлюпбалку и перебил тали. Не причинив сериозных повреждений, этот снаряд, тем не менее, лишил *Евстафия* главного средства для получения установки прицела и целика и он не мог бы в дальнейшем участвовать в централизации [1]), получая установки только при помощи откидных плакатов. Радиосеть через 14 минут (после окончания боя) была восстановлена. Самое серьезное повреждение *Евстафий* получил от третьего залпа *Гебена*, давшего накрытие и одновременно два попадания, вызвавших большие потери в личном составе.

Один 11″ снаряд попал в 5 дюймовую броню 6″ батареи, пробил броню около 54 шпангоута, между визиром плутон-

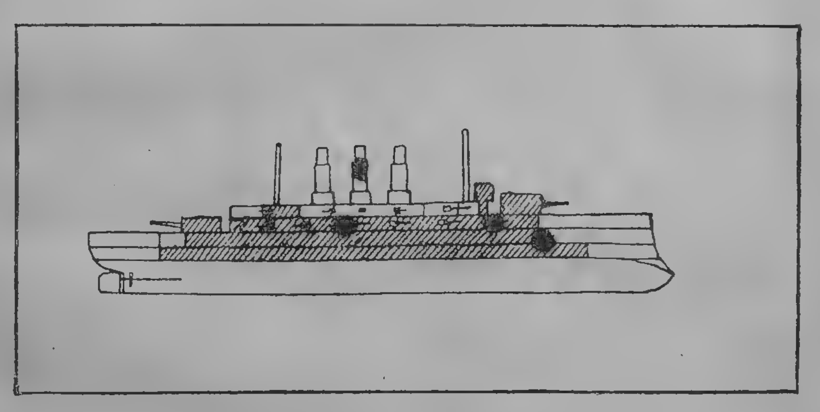

Схема № 6. Повреждения л. к. *Евстафий*.

гового командира и $1^1/_2$″ выгородкой 6″ каземата, пробив броню, сшиб беседку с 6″ снарядами и патронами; снаряды упали, патроны загорелись, но вскоре были потушены, а часть выброшена за борт; затем влетел в офицерский камбуз, взорвался и повредил окружающую $^1/_4$″ переборку. Настилка палубы в $^5/_{16}$″—$^3/_8$″ пробита осколком крупной величины, осколки попали вниз, в помещение кузницы. Газы сбили с мест и разрушили камбузные плиты и все оборудование помещения. Один из крупных осколков ударил в полуторадюймовую броневую выгородку 6″ каземата и вдавил плиту на площади удара с разрывом металла.

---

[1]) Централизованная стрельба основана на передаче установок прицела и целика с корабля, на котором находится управляющий огнем бригады. С повреждением средств передачи корабль не может принимать участия в централизованной стрельбе.

Второй 11″ снаряд попал в правый носовой 6″ каземат в стык двух 6″ броневых плит. У одной плиты разрушена и снесена верхняя часть, шириной во всю плиту 3′9″, по высоте 29″. Плита эта сорвана с болтов и осталась лежать снаружи на срезе около пушки. У другой плиты — снесен угол, броневые болты срезаны и плита сдвинулась на 2″, рубашка брони, толщиной $^3/_4$″ сорвана. Броневой козырек над бортом орудия вдвинут внутрь, 2 болта на нем разорваны, третий цел, козырек дал неглубокую поперечную трещину. Осколки проникли внутрь каземата, сорвали легкую броневую дверь, а в выгородке дали две небольшие вмятины, без разрыва брони. Через дверь каземата—поврежден рельсовый путь, слегка обгорела и повреждена деревянная выгородка. У 6″ пушки повреждены прицелы и заклинился поворотный механизм, вошедший внутрь рубашки брони, пушка со станком исправна. Это самое тяжелое повреждение, так как обе плиты лекального образования.

Еще одно повреждение было получено от разорвавшегося об воду 11″ снаряда около самого борта 22-го шпангоута. Осколки изрешетили небронированный здесь борт, разрушил продольную переборку лазарета и его оборудование. Все пробоины были около ватер линии...

Все повреждения были исправлены в 10 дней, причем работа велась днем и ночью. Плиты были взяты со старого корабля *Двенадцать Апостолов*.

Потери в личном составе: убито 4 офицера и 1 умер от ран, команды убито 29 человек и ранено 24, из них 19 тяжело, большинство из них умерло.

Почти все эти потери вызваны двумя попаданиями третьего залпа *Гебена,* давшего накрытие. 11″ снаряд, попавший в 5″ броню носового 6″ каземата вывел из строя всю прислугу каземата.

11″ снаряд попавший у визира 3-го 6″ плутонга, пробивши броню, выбил 3-х офицеров: плутонгового командира 3-го плутонга, подошедшего к нему командира 1-го плутонга и начальника кормовой подачи 6″ орудий, пришедшего от своей подачи из жилой палубы с каким то докладом, затем были выведены из строя беседочная и часть небоевой, машинной вахты, вышедшей из жилой палубы отчасти из желания посмотреть, другие из желания, если понадобится, оказать помощь. В месте разрыва в камбузе — был выбит весь камбузный персонал, занятый приготовлением еды, на другом борту осколки выбили командира 4-го плутонга, и пришедшего к нему командира 2-го плутонга. Словом, один 11″ снаряд выбил весь командный состав 6″ батареи“...

ГЛАВА II.

Мемельская операция крейсеров 1-й бригады Балтийского флота и бой у Готланда

19-го июня (2 июля) 1915 года.

Операция, излагаемая ниже, не имела крупного стратегического значения. Ни по замыслу своему, ни по составу сил, в ней участвовавших, она не может быть рассматриваема даже как заметный этап в общем ходе событий войны на Балтийском море. Это был один из боевых эпизодов, не более того.

Но она является показательной для действий Балтийского флота, характеризуя состояние оперативной мысли командования в 1915 году, и, что для нас может быть особенно интересным, — тактические воззрения на способы ведения боя.

Оценку той или другой операции не приходится отрывать от событий, ей предшествовавших, так как начальники приходят на поле сражения с взглядами, сложившимися на основе имеемого боевого опыта и идей, направлявших подготовку. Вот почему ранее изложения крейсерской операции, приведшей к бою у Готланда, нам представляется нелишним бросить общий взгляд на условия, в которых протекала боевая деятельность флота в предыдущий период, с начала войны и до весны 1915 года, когда помянутая операция имела место.

Обстановка на Балтийском театре войны.

Мировая война застала русский Балтийский флот в чрезвычайно трудном стратегическом положении.

Широкие программы судостроения, которые были приняты русским правительством для восстановления судового состава Балтийского флота, осуществлены не были. В его составе, ко времени начала войны, фактически были лишь суда, уцелевшие от разгрома в Русско-Японскую войну и заложенные в период 1903 — 1906 г.г. Все они принадлежали к устарелым типам и в большей части уже дослуживали свои последние сроки.

К началу войны наличные силы русского и германского флотов являлись несоизмеримыми.

Несмотря на то, что главные силы германского флота были отвлечены на западный театр, русскому Балтийскому флоту всегда, с первого дня войны и до последнего, приходилось считаться с возможностью сосредоточения против него германских эскадр, могущих быть быстро переведенными Кильским каналом в Балтику в подавляющем составе.

В 1914 году стратегическая задача русского флота заключалась в обороне восточного района Финского залива, рубежом которой являлась узкость Ревель — Поркаллауд. Здесь, за поставленным минным заграждением, фланги которого защищались временными береговыми батареями, Балтийский флот должен был дать решительный бой германскому в случае его намерения прорваться в глубь залива по направлению к столице. Выполнением этой задачи была обусловлена возможность отправки на западный фронт крупных соединений сухопутных войск, которые, в противном случае, были бы прикованы к защите столицы и побережья.

Действия в открытом море, по причине слабости флота, целью ему не ставились. Наоборот, упорное подтверждение необходимости местной обороны Финского залива, запрещение выходить в море, подвергать суда риску потери — было основным мотивом всех директив Балтийскому флоту. Главной целью почиталась защита Финского залива, все прочее русское побережье Балтики, не говоря уж об открытой части моря—оставалось на произвол судьбы.

Таковы были идеи к моменту начала войны и им отвечало развертывание флота, сосредоточенного в Ревеле и Гельсингфорсе, с выдвинутыми в устье Финского залива, к меридиану Дагерорта, стратегическими дозорами.

Первый период войны (июль — август) прошел под знаком ожидания наступления германского флота и возможной высадки десанта в Финском заливе для наступления к Петрограду.

Боевые действия германских крейсеров в устье залива, встречаемые противодействием наших дозоров, расценивались русским главным командованием прежде всего, как подготовка прорыва, вызывая сосредоточение флота на центральной минной позиции и другие меры по плану обороны.

Между тем, немцы, после вступления англичан в войну, не предполагали решительных операций против русского флота.

Их главное внимание было направлено к театру Северного моря.

Для действий в Балтийском море ими был выделен сравнительно слабый наблюдательный отряд, в состав кото-

рого вошло несколько быстроходных крейсеров, броненосные крейсеры более устарелого типа и резервные линейные корабли. Задача, данная германскому Балтийскому отряду — сводилась к демонстративным действиям против неприятельского побережья и его дозоров, с целью создать у русского командования впечатления о готовящихся операциях главных германских сил.

Немцы стремились приковать внимание русского флота к защите Финского залива, чтобы парализовать его активные стремления, которые могли угрожать как германскому побережью, так, и это может быть главным образом, морскому сообщению Германии с Швецией.

Действия германских крейсеров в течение первого периода войны носили явно выраженный демонстративный характер в виде неоднократных обстрелов побережья, частого появления на вид наших дозоров и наблюдательных пунктов и пр.

Русскими морскими силами командовал адмирал Эссен. Мужественный, склонный к активным действиям, прекрасно зарекомендовавший себя в Порт-Артуре (он командовал *Новиком*, потом *Севастополем*), адмирал Эссен не мирился с той пассивной ролью, которая возлагалась на флот.

Когда начал выясняться демонстративный характер действий германского Балтийского отряда и сложилось сомнение в реальности германского наступления главными силами в Финский залив, адм. Эссен тотчас, сначала осторожно и понемногу, а затем со все возрастающей настойчивостью, требовал права перейти к активным операциям в море.

Примечание. В качестве показателя духа и настроения командования Балтийским флотом характерен эпизод, который мог бы иметь самые крупные последствия для хода войны на русском фронте и о котором мало известно в нашей послевоенной литературе.

Вопрос шел о возможности выступления Швеции на стороне наших врагов. Это в высшей степени осложнило бы обстановку на Балтийском театре войны, поставив под прямую угрозу Финляндию, требуя сосредоточения армии для нового фронта, и значительно бы затруднило действия русских морских сил, так как Швеция располагала довольно сильным шхерным флотом в составе миноносцев и броненосцев береговой обороны. Швеция, как известно, первые месяцы войны держалась неопределенно (русские планы вплоть до 1916 года учитывали возможность выступления ее против России).

Адм. Эссена, конечно, этот вопрос очень волновал. Считая ее выступление неизбежным, он решил предупредить таковое. 27 июля 1914 года наш флот в полном составе вышел в море, имея намерение развернуться для внезапной атаки шведского флота, который, по имеемым сведениям, был сосредоточен в районе северной части Готланда. Перед выходом был послан в Петроград к главнокомандующему VI армией, которому флот был подчинен, офицер с рапортом Эссена, где он просил разрешения, при встрече с шведским флотом, пред'явить ему ультиматум об оставлении последним северной части Балтийского моря на все время войны, угрожая уничтожением. Вот проект проект любопытного письма, которое Эссен предполагал вручить командующему шведским флотом:

„Ваше превосходительство. Хотя в настоящей войне между Россией и Германией шведское правительство и об'явило нейтралитет и ничто, повидимому, не нарушает дружеских отношений между нашими государствами, я все же не могу не обратить ваше внимание на то, что в период, ближайший перед началом войны, на родине вашей был целый ряд манифестаций в пользу вооружения для борьбы с Россией. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание трудность своевременного получения точных известий об истинных намерениях Швеции и ее вооруженных сил, я обращаюсь к вам, милостивый государь, с предложением провести весь шведский флот в Карлскрону, с покорнейшей просьбой не выходить оттуда во все время продолжения войны России с Германией. Как военный человек, вы поймете мое распоряжение моим судам при встрече с каким бы то ни было военным судном в пределах Балтийского моря и его заливов,—немедленно его уничтожать. Прошу считать, адмирал, это мое заявление дружественным актом, устраняющим печальную возможность возникновения случайных военных действий между нашими флотами и нациями. Примите, м. г., мои уверения в отличном уважении...“.[1])

Конечно, из Петрограда были немедленно посланы приказания запретительного характера; флот вернулся обратно в Ревель.

Мы приводим этот случай не как показатель, конечно, дипломатического искусства адмирала Эссена, вряд ли такой шаг оправдывался и анализом страте-

[1]) Архив Морискома.

тической обстановки, но как пример готовности принять на себя ответственность за крупнейшие решения, как показатель активного духа адмирала Эссена. Сравните этот факт с апатичным и инертным ожиданием войны с Турцией адмиралом Эбергардом и последствия такого ожидания!

Но этот случай имел свои дурные последствия. В ставке создалось впечатление, что Эссена надо „сдерживать“, что при его склонности рисковать, он может потерять суда в авантюрных операциях и пр. Это усилило сдерживающий характер директив, лишавших возможности использовать силы флота в море даже тогда, когда обстановка была благоприятной.

Вскоре после начала боевых действий Эссен выдвинул вперед линию крейсерского дозора, держа под периодическим наблюдением северную часть Балтики, изредка предпринимая дальнюю разведку в открытом море.

Когда в сентябре деятельность германского флота оживилась и поступили сведения о готовящемся десанте на Курляндское побережье, Эссен тотчас донес, что единственным средством воспрепятствовать этому является выход всех наличных морских сил к месту высадки для решительного боя с неприятельским флотом, прикрывающим десант, и нападение на транспорты с войсками. Главнокомандующий VI армией, которому флот был подчинен, ответил, что „задачей флота остается охранение столицы со стороны моря. Необходимо сохранение флота для этой цели“.

Это была очередная демонстрация немцев. Когда выяснилось, что они не имеют намерения прорваться в Финский залив, адмирал Эссен по собственной инициативе вышел с флотом в море на поиски неприятеля, которого, впрочем, обнаружить не удалось.

В следующий раз Эссен получил еще более категорическое приказание—„оставаться с флотом в Финском заливе, даже если будет достоверно известно, что началась высадка немцев“.

Но и это не погасило наступательных стремлений командующего флотом, хотя столь упорное утверждение необходимости оставаться в пределах Финского залива, несомненно, оказывало разлагающее влияние на активную мысль начальников.

17 сентября, в сильный шторм, он на *Рюрике*, взяв с собой *Палладу*, выходит в крейсерство в южную часть Балтийского моря на пути сообщения неприятеля. Этот поход, в особенности участие в нем командующего флотом,

вызвал большую критику в ставке и на самом флоте. Конечно, не дело командующего, подвергаясь личному риску, участвовать во второстепенных операциях. Однако этим походом Эссен стремился рассеять ту боязливую осторожность, которую воспитывали на флоте директивы ставки. Указанная операция оперативного значения не имела, но моральное значение ее—несомненно.

Поздней осенью состав Балтийского флота был усилен вступившими в строй первыми линейными кораблями современного типа *Гангут* и *Севастополь*, что фактически удваивало силы русского флота. Это дало повод адмиралу Эссену тотчас войти с представлением о необходимости изменения плана кампании, направлявшего действия Балтийского флота до сих пор.

Рассчитывая на упомянутые корабли, как на мощную поддержку для операций в открытом море, Эссен развернул новый план борьбы путем заграждения минами подходов к германским берегам, обещая при этом не ввязываться в решительный бой с превосходными силами немцев и в случае нужды „отступить к Финскому заливу“. Но главнокомандующий VI армией и ставка, загипнотизированные идеей о неизбежности германского наступления в Финский залив, по прежнему отнеслись отрицательно к его намерениям. Из ставки было сообщено, что „... высочайше повелено действовать активно лишь по получении на то личного разрешения государя на допущение в бой дредноутов...“

Таким образом, у командующего флотом было отнято право использования для боевых целей сильнейших кораблей своего флота, которые могли сообщить устойчивость операциям в открытом море.

Несколько позже Эссену удалось получить разрешение на частичное осуществление задуманного им плана минных заграждений у германских берегов без привлечения дредноутов. Пользуясь темными осенними ночами и штормовыми погодами, русскими миноносцами были поставлены минные заграждения у Виндавы, потом у Либавы, Мемеля и Данцига. Крейсера и заградители выполнили ряд постановок в юго-западной части Балтийского моря, в районе о-ва Борнхольма и на меридиане маяка Аркона.

К началу 1915 года были заграждены подходы к германским портам юго-восточного побережья и поставлены мины на важнейших путях южной части моря.

Операции подводных лодок были перенесены в те же районы к германским берегам.

К концу кампании 1914 года, под влиянием потерь на минах, темп германских демонстративных операций, метода

которых они систематически придерживались, начал потухать, а к зиме создалось положение, при котором они принуждены были отказаться от таковых на продолжительный период, так как внезапно обнаружили, что выход в море рискован.

Таким образом, активный план адмирала Эссена, даже частично осуществленный, имел своим последствием ограничение деятельности германского флота в Балтике.

Наряду с операциями флота шла работа по усилению обороны Финского залива и побережья Балтики. Как только улеглась острота первых дней войны и выяснилось, что наступление немцев на Финский залив не есть что-то непреложное, то было тотчас приступлено, во-первых, к усилению обороны главной позиции Ревель-Поркаллауд, а, во-вторых, к расширению операционной зоны Балтийского флота путем включения в нее районов Моонзунда и Або-Оланских шхер, где были начаты оборонительные работы.

На всем протяжении 1914 года мы наблюдаем внутреннюю борьбу в кругах командования. Здесь боролись — активная идея, ярким выразителем которой был адмирал Эссен, и идея пассивной обороны, диктуемая ставкой. Жизнь и деятельность флота шла по этим двум направлениям, при чем все время как в этом году, так и в последующие — г л а в н о й задачей флота почиталась защита центральной позиции Финского залива, рубежа Ревель-Поркаллауд.

1915 год застал Балтийское командование в подготовительной работе к новой кампании. Попрежнему должное внимание уделялось позиционной обороне, причем были намечены крепостные инженерные сооружения на Або-Оланде, на островах Моонзунда и в районе Ревельской крепости, вместе с чем флот получал более обеспеченное базирование и мог часть своих задач по обороне побережья передать на средства местной обороны.

В мае 1925 года Эссен умер. В его лице флот лишился вождя, который упорно и доблестно стремился к операциям в открытом море, к борьбе за инициативу. Тот факт, что в 1914 году русский флот был активен, несмотря на свой слабый состав (в течение зимы усилившийся вступлением в строй 4-х линейных кораблей типа *Дредноут*), следует целиком отнести за счет личных боевых качеств Эссена.

С его смертью мы наблюдаем постепенное наростание других тенденций в стратегии русского командования Балтийским флотом. Вдохновленное Эссеном, оно, хотя и стремится первое время к активным операциям, попрежнему изыскивает способы поразить врага в море, но порыв постепенно гаснет, традиции Эссена выветриваются и к концу

войны командование Балтийским флотом уже категорически занимает выжидательную позицию.

Операция крейсеров, закончившаяся боем у Готланда, относится к периоду, близкому к Эссену. Она имела место лишь месяц спустя после его смерти и отражает собой тот порыв к активности, который был присущ предыдущему периоду боевой работы Балтийского флота. Но это было уже одно из последних, более или менее крупных выступлений флота в открытом море. Затем они становились все реже. Этому способствовало и то, что германские демонстрации, системы которых они придерживались в течение всей кампании на Балтийском море, получили новое содержание. Их армия перешла в наступление на север, заняла Курляндское побережье, продвинулась к Рижскому заливу, что требовало содействия флота.

Таковы были общие стратегические предпосылки, характеризовавшие деятельность Балтийского флота в период, предшествовавший рассматриваемой нами операции 19 июня 1915 года.

Замысел „Мемельской операции".

Обстановку, непосредственно предшествующую операции, приводим по донесению нового командующего Балтийским флотом Канина главнокомандующему VI армией (от 12 июля 1915 года № 83 к. о.) [1].

На театре было относительное затишье, отряды больших кораблей производили учебные стрельбы и практиковались в маневрировании. „В ответ, а иногда и в предвидении того или другого выступления противника, части минной дивизии выполнили несколько операций по постановке на подходах к Виндаве и на вероятных путях следования неприятельских судов — минных заграждений. На те же пути высылались в крейсерство подводные лодки"...

„13 июня были получены указания на подготовку неприятелем новой операции, которая вылилась, как и следовало ожидать, в поиск у Виндавы...

„14 июня получены новые сведения о намерении противника выступить против Виндавы. Днем неприятель осмотрел берег к югу от Бакгофена...

„15 июня выяснилось, что, по наблюдению Бакгофена, на север идет неприятельский отряд в составе одного броненосца типа *Зигфрид*, 1 миноносца и 6 тральщиков. К нему присоединился крейсер *Аугсбург*. Все — около Виндавы.

„В 7 часов утра противник пытался произвести высадку десантной партии у Бакгофена. Подошедшие к берегу шлюпки были отражены огнем поста.

---

[1]) Дело Морискома № 7014.

„В начале 9 часа *Зигфрид* и два миноносца легли на Виндаву. Подойдя к оконечности мола на 5 каб., неприятель открыл огонь по городу из 9" орудий. Бомбардировка продолжалась 15 минут и была безрезультатна. В ответ были высланы наши миноносцы 5-го и 6-го дивизиона с *Новиком*.

„В 6 часов вечера эти миноносцы вступили в перестрелку с *Бременом*. Ввиду подхода к последнему *Аугсбурга*, миноносцы прекратили огонь и не последовали за отходящим *Бременом*.

„После этого все три неприятельских группы начали отходить к югу и к полночи вышли из пределов видимости Бакгофена.

„16-го немцы производили разведку, поднимаясь до Люзерорта.

„17-го стало определенно известно, что все суда, принимавшие участие в поисках у Виндавы, утром 16-го прибыли в Либаву и, кроме того, явилось веское основание предполагать, что разведка и наблюдение за подходами к Либаве не будут интенсивными.

„Сопоставление этих данных с агентурными сообщениями о готовящемся 18-го июня императорском смотре в Киле позволяло предполагать, что германцы пошлют туда большую часть судов и возложат охрану южной части моря и своих сообщений на сравнительно слабые силы.

„Такая обстановка, в связи с неоднократными сообщениями тайной разведки о необходимости для нас тем или иным путем повлиять на общественное мнение Германии, ясно указывала на своевременность и целесообразность нашего выступления на море, каковое и вылилось в операцию отряда особого назначения 18—19 июня".

Из приведенной выдержки донесения командующего флотом можно видеть, что германские демонстрации уже явно не достигали своей цели, им не верили.

Об'ектом, к которому естественно направлялась мысль командования — было бомбардирование какого либо берегового пункта, не преследуя при этом целей больших, нежели „производство морального впечатления на общественное мнение Германии".

Таким пунктом явился Мемель — порт, не имеющий крупного стратегического значения, но в данный момент, в связи с оживлением деятельности германской армии во время ее наступления к Курляндскому побережью — представлявший если не важный, то по крайней мере „нервный" пункт, удар по которому действительно произвел бы „моральное впечатление", чего в данном случае и искало командование русским флотом.

В плане операции, выработанной штабом командования [1]), цель эта была формулирована так [2]) „пользуясь сосредоточением в Киле германского флота перед императорским смотром, совершить внезапное нападение на Мемель и путем энергичной бомбардировки повлиять на общественное мнение Германии, которое будет на это особенно чутко реагировать, ввиду совпадения указанного выше смотра с активным выступлением нашего флота, считаемого противником совершенно пассивным“...

В состав отряда для похода к Мемелю должны были войти *Рюрик*, крейсера *Олег* и *Богатырь*, эскадренный миноносец *Новик* и 6-й дивизион миноносцев.

Для обезпечения отряда в случае, еслибы таковой встретил сильный отряд неприятельских судов, предполагалось включить линейные корабли *Слава* и *Цесаревич*, крейсера *Адмирал Макаров*, *Баян* и дивизион больших миноносцев [3]). Кроме того, предполагалось выслать в море готовые к выходу подводные лодки, расположив их на путях немцев в случае, если он выйдет для преследования наших сил.

Выход в море предполагался в ночь на 18 июня, бомбардирование Мемеля — на рассвете 19-го.

В одном из пунктов инструкции начальнику отряда было указано „если во время похода будет обнаружен противник и отряд окажется в выгодном положении, то крейсеры вступают в решительный бой. Если же об'ект нападения будет ничтожен или если по ходу боя выяснится, что ослабленный противник может быть уничтожен частью наших сил, то оставив для этой цели часть судов, остальные продолжают неизменно выполнение намеченной операции“...

Этот пункт, сам по себе достаточно ясный, в то же время не вполне согласовался с принципом осторожности, который был положен в основу всей операции. Таковая преследовала лишь моральное воздействие. Отряд должен был итти в район и выполнить операцию *внезапно* для противника. Но если он будет задолго обнаружен противником, то неприятель будет иметь возможность выслать погоню, отрезать возвращение нашему отряду, назначив для этого силы, его превосходящие? Стоит ли риск цели, причем такой мало осязаемой, как „моральное воздействие“? Эти сомнения должны были найти себе отражения в мыслях и поступках командиров при выполнении операции.

---

[1]) Замысел операции был предложен сотрудниками оперативной части штаба А. Саковичем и И. Ренгартеном. *М. П.*

[2]) Дело Морискома № 12802.

[3]) Тактические данные русских и германских судов, участвовавших в бою 19 июня, показаны в приложении № 2.

Описание операции и боя.

Согласно плана операции три подводные лодки были высланы на позиции у входа в Финский залив, кроме того были посланы лодки к Виндаве и к выходу из Данцига. *Слава* и *Цесаревич* находились в Люме.

В 2 часа ночи 18 июня бригада крейсеров под командой адмирала Бахирева в составе крейсеров *Баян* (флаг), *Адм. Макаров*, *Богатырь* и *Олег* вышла из шхер с рейда Пипшер в сопровождении VII-го дивизиона миноносцев, расположив свой курс на банку Винкова—место назначенного рандеву с кр. *Рюрик*, вышедшим из Ревеля, чтобы затем согласно инструкции итти по большим глубинам вдоль восточного берега о-ва Готланд на юг.

В 5 час. утра бригада встретила бр. кр. *Рюрик*, которому было приказано вступить в кильватер. Миноносцы, конвоировавшие бригаду для охраны от подводных лодок, были отпущены.

Выход на присоединение с отрядом VI-го дивизиона миноносцев и *Новика*, которые должны были участвовать в операции, задержался из-за густого тумана. Они принуждены были стать на якорь у о. Вормс. Ввиду того, что отряд значительно продвинулся уже на юг, VI-ому дивизиону миноносцев, имевшему возможность догнать его только к вечеру, поход был отставлен. На соединение пошел только один *Новик*.

Командующий отрядом по выходе в море решил выполнить операцию в тот же день вечером, для чего по присоединении к нему *Новика* лег на курс к Мемелю. В 6 час. 10 м. утра место отряда $\varphi=56^\circ\ 19'$, $l=19^\circ\ 57'$. Этот поворот был выполнен в тумане, причем *Рюрик* и *Новик* отделились от отряда, потеряв свои места в строю. Туман настолько сгустился, что суда должны были включить кильватерные огни для ориентировки задних мателотов. Адмирал Бахирев решил отложить операцию до рассвета.

Не имея обсервации с 2-х часов дня 18 июня, он счел рискованным подходить к Мемелю без определения, а потому, чтобы определить свое место, взял курс на маяк Фаллуден (см. схему № 7). При подходе к Готланду туман стал реже, потом разошелся и отряд лег на обратный курс. Однако, встретив около 3 часов снова туман, отряд взял курс NO 10° и держался на этом курсе. *Рюрик* и *Новик* шли отдельно.

В 2 часа ночи снова нашел густой туман.

Между тем в море были слышны радиопереговоры германских судов, причем радиопеленгаторные станции указывали

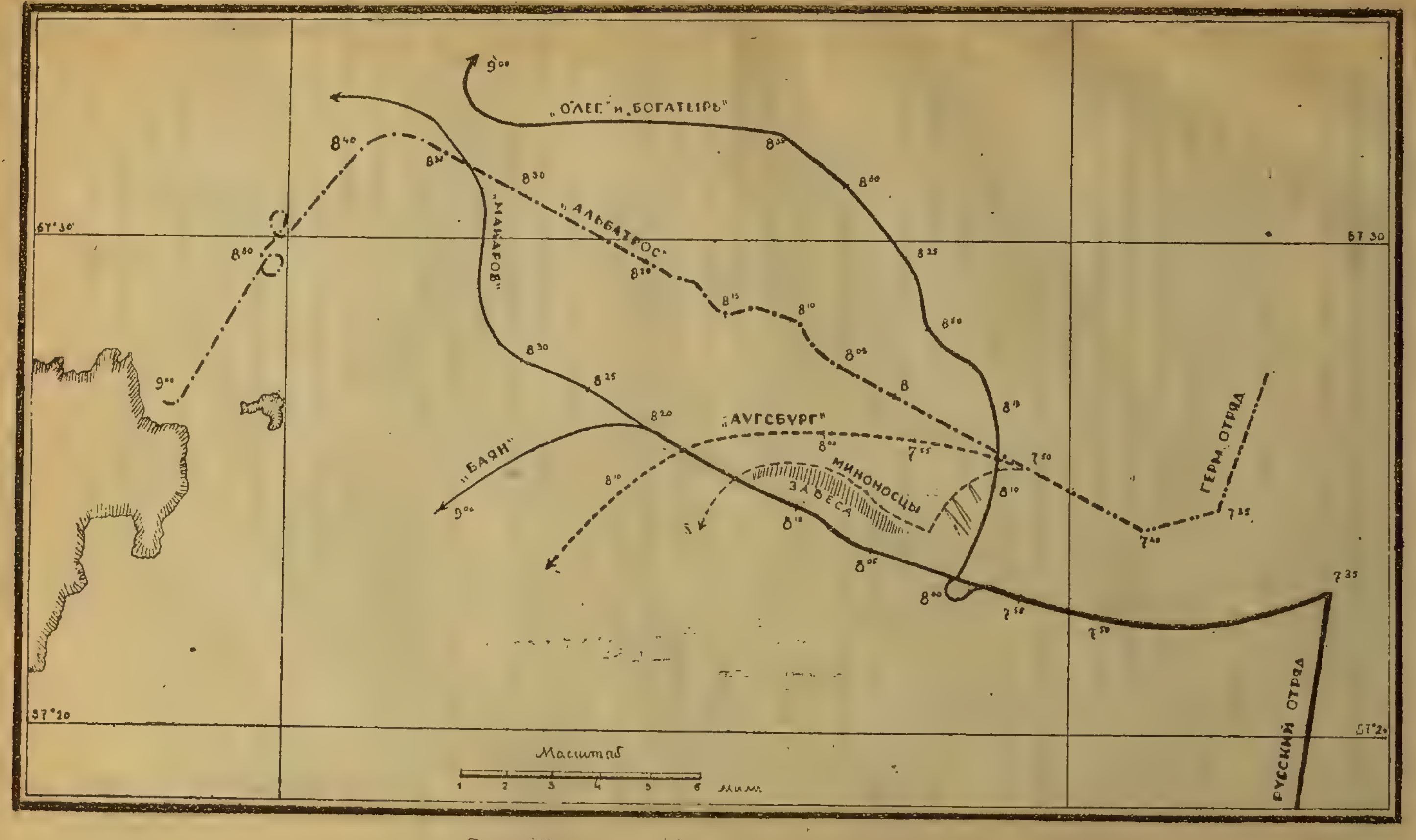

Схема № 7. Бой у о. Готланд 19 июня 1915 г.

на присутствие нескольких боевых соединений, о чем адмирал Бахирев был предупрежден.

Кроме того разведочному отделению Штаба Командующего Флотом удалось расшифровать германское радио, из которого явствовало, что крейсер *Аугсбург* назначил рандеву какому то, вероятно, легкому крейсеру в квадрате 377, и далее, что в 2 часа *Аугсбург* будет в четвертой четверти 357 квадрата, его курс 190°, ход 17 узлов. Об этом также было передано адмиралу Бахиреву.

В 3 часа, придя в φ 59° 20,5′ и l=19° 51,5′, командующий отрядом, считая опасным и нецелесообразным подходить к Мемелю в тумане, а равно и ждать в море хорошей погоды, решил повернуть на NO 10° по направлению вероятного места нахождения неприятельских крейсеров.

Когда около 5 ч. 30 м. туман разошелся,—все крейсера оказались разбросанными. *Рюрика* и *Новика* видно не было.

В 7 час. 35 мин. утра отряд открыл во мгле близко к курсу два неприятельских крейсера, которые были вскоре опознаны: головным шел *Аугсбург*, за ним вспомогательный крейсер (заградитель) *Альбатрос* и три миноносца. В этот момент *Рюрик* находился значительно к югу от места встречи. (см. схему № 7).

Последняя произошла в условиях, позволявших тотчас же начать бой. С нашей стороны было четыре крейсера (кроме *Рюрика*), из которых каждый по своему вооружению был сильнее обоих встреченных неприятельских, в целом же на нашей стороне было подавляющее превосходство сил:

Сравнение артиллерии

Русские крейсера	Германские крейсера
8″ орудий . . . 4 на борт	100 м/м. орудий . . 12 на борт
6″ орудий . . . 24 на борт	

Таким образом, надо было дорожить каждой минутой, так как *Аугсбург* мог быстро уйти, тем более, что туманный, мглистый горизонт давал тому легкую возможность.

В этой обстановке мы вправе были бы ожидать резкого сближения отряда и немедленного открытия огня. То или другое тактическое положение играло здесь второстепенную роль. Надо было быстро итти на наименьшую дистанцию, не тратя ни момента на какие бы то ни было перестроения и эволюции, которые здесь были просто излишними: неприятель был слаб и его оставалось только раздавить.

Но вот тут то и сыграли громадную роль тактические взгляды, которые прививались в период подготовки флота и которые подсказывали боевые решения. Первое, инстинк-

тивное решение основывается на отдаленных впитанных и воспитанных предпосылках.

В донесении начальника отряда мы читаем: „*желая охватить голову, мы склонились влево, приведя головной корабль на курсовой угол 40° правого борта*". (см. схему № 7).

Невольно спрашивается, зачем понадобился этот тактический прием, лишний и бесцельный? А между тем приказание исходило от адмирала, который за время войны во многих случаях проявил свою доблесть и показал себя с самой лучшей стороны. Не малодушием или нерешительностью можно об'яснить это приказание, а исключительно той предвзятой точкой зрения, каковая воспитывалась в период тактической выучки флота, где „курсовой угол" и „охват" были китами всей постройки.

Бой начался. Противник легко прямым поворотом вправо „выходил из охвата".

Аугсбург, пользуясь своим преимуществом хода и пасмурной погодой, быстро начал обгонять отряд, направляясь к берегу и скоро скрывшись в тумане. При этом со стороны нашего отряда не было сделано никаких попыток преградить ему путь или сблизиться с ним.

Очевидец, артиллерист *Баяна*, П. В. Лемишевский так описывает свои впечатления в этот момент. „Пришедшие в боевую рубку командир и старший штурман, а также уже находившиеся там и отдававшие предварительные приказания в плутонги оба артиллериста, в этот момент были проникнуты одной мыслью, одним желанием: уничтожить крейсер (*Аугсбург*. М. П.), который до сего времени всегда ускользал от наших крейсеров, и при том еще так недавно у Виндавы, когда мгла не дала возможности бригаде использовать свое преимущество в артиллерии. Но вот грянул залп из 8″ башенных орудий и 6″ казематных на *Адмирале Макарове*. Небольшая пауза, необходимая, чтобы залпы двух кораблей не легли бы одновременно, и *Баян* открыл огонь из всех своих орудий по головному неприятельскому кораблю. Вслед за *Баяном*, выдерживая мертвый промежуток, открыли огонь *Богатырь* и *Олег*—по второму".

„Нельзя точно сказать, сколько минут прошло с момента открытия огня, когда совершенно неожиданно *Аугсбург* начал уходить от *Альбатроса*, что ему было легко сделать, имея большое преимущество в ходе".

„Таким образом огонь всей бригады начал сосредоточиваться на втором. Что касается до продолжения обстрела *Аугсбурга*—*Адмиралом Макаровым* и *Баяном*, то он терял всякий смысл: *Аугсбург*, хотя и находился в пределах дальности 8″ орудий, был едва виден из-за мглы".

„Предусмотреть этот „побег“ *Аугсбурга* командование отрядом едва ли могло, так как невероятно (?) было бы, чтобы он смог бросить своего слабого товарища в такую минуту; но все же при первом признаке его побега можно было бы один из крейсеров послать в направлении на пересечку его курса и даже (?) попытаться его обстрелять“.

„Но этого сделано не было. Время было упущено и *Аугсбург* начал уже совсем скрываться. Крейсера же оставались в кильватерной колонне, сосредоточив свой огонь на оставшемся *Альбатросе*, при котором еще продолжали держаться миноносцы“.

Крейсер *Адмирал Макаров.*

„Между тем, положение *Альбатроса* все ухудшалось. На нем стали замечаться попадания“...

„Но счастье (?) и на этот раз еще не покидало неприятеля. Огонь бригады, хотя весьма интенсивный, не давал желаемых результатов и только потому, что при стрельбе четырех кораблей по одной цели, при стремлении как можно больше выпустить снарядов, корректировать свои падения было нельзя; следовательно, бесцельно было сосредоточивать огонь, бросать снаряды“.

„Командование отрядом, не учтя этого, не отдало сразу приказания *Богатырю* и *Олегу* перенести огонь на миноносцы, хотя бы после ухода *Аугсбурга*, дав тем самым возможность *Адмиралу Макарову* и *Баяну* вести полубригадную стрельбу, практика в которой у артиллеристов была, и результаты, совершенно другие, безусловно сказались бы

быстро... Мы даже считали, что достаточно было бы одного крейсера, чтобы уничтожить такой корабль, как *Альбатрос*".

Миноносцы, оставшиеся при *Альбатросе*, находясь впереди курса, произвели торпедный залп. Торпеды пересекли строй крейсеров, не попав однако ни в одного из них.

Около 8 часов (через 25 минут боя) адмирал сделал сигнал: *Богатырю* и *Олегу* действовать по усмотрению. Оба эти крейсера могли дать ход до 23 узлов, они могли перегнать *Альбатроса* и с некоторой надеждой на встречу искать *Аугсбург* в тумане. Им представлялся выбор: или сблизиться с *Альбатросом* на дистанцию хорошей видимости, допускающей точную стрельбу и уничтожить его в несколько минут или же броситься на поиски *Аугсбурга*.

Крейсер *Олег*.

Но они выбрали решение выйти вправо, обойти *Альбатроса* с севера, чтобы отрезать ему путь отступления на N. На схеме № 7 видно, что они описали дугу, не слишком близко подходя к противнику. Они длительно маневрируют, чтобы наконец, почти через пол часа, расположиться на соответственном румбе от *Альбатроса*.

Характерно выглядит на схеме момент с 8 ч. 10 мин. до 8 ч. 15 м. Мы видим здесь форменный охват двумя отрядами, т. е. прием, рекомендованный тактикой того времени для сражений крупных соединений флота. Что же получается? Четыре корабля, из которых каждый сильнее противника, производят—сначала „охват головы", затем „охват двумя отрядами, из которых один во фланге"... Это—какое то затмение!!

И все стреляют по одной цели, вопреки правилам сосредоточения огня, причем только мешают друг другу! Ничем

другим как только затмением и можно об'яснить, что до сих пор, уже втечение почти часа боя, *Альбатрос* не был разбит в щепки!

Стреляя с разных сторон, путая наблюдения, артиллеристы не могли справиться с управлением огнем в подобной обстановке, на сравнительно больших дистанциях, да еще при мглистом горизонте!

Неприятельские миноносцы около 8 часов утра вышли вперед нашего отряда и выпустили в промежуток между крейсерами и *Альбатросом* несколько дымовых завес, которые на время скрывали его и сильно мешали стрельбе. Затем миноносцы пытались приблизиться, но после нескольких оглушающих залпов с бригады отошли и затем скрылись на юг.

К 8 ч. 30 м. *Альбатрос* был сильно избит, одна мачта сбита, виден сильный пожар.

Опасаясь подходить слишком близко к берегу, адм. Бахирев повернул, приведя неприятеля на к. у. 40° левого борта—опять курсовой угол! (см. схему).

Вскоре *Альбатрос* направился в проход между маяком Эстгарн и берегом. Тогда был сделан *Баяну* сигнал „отрезать неприятеля с юга".

Альбатрос был загнан со всех сторон. В 8 ч. 45 м., описав циркуляцию, об'ятый пожаром он спустил флаг, а затем, около 9 часов, выбросился на берег.

Тем кончился этот бой.

Таким образом, благодаря исключительной, ничем невызываемой сложности приемов тактики и маневрирования, совершенно ненужным в данном случае „курсовым углам", „охватам" и пр., благодаря чрезмерному сосредоточению огня против одной цели, подавляющего, бессистемного, с разных сторон ведущегося огня, на дистанциях, при которых цель временами была худо видима,—понадобилось почти полтора часа, чтобы подбить малый, слабо защищенный крейсер, фактически дав ему возможность укрыться в нейтральных водах.

Между тем, его противники, в особенности *Адмирал Макаров* и *Баян* (последний был из числа призовых по стрельбе кораблей) стреляли хорошо, и при иных условиях, при иной тактике боя конечно, могли бы справиться с такой целью, не в час, а в десять—пятнадцать минут...

Вот оно—несоответствие тактики к боевой обстановке!

Но события этого дня не кончились боем с *Альбатросом*. Вот дальнейшее описание по донесению адмирала Бахирева:

„Убедившись, что *Альбатрос* сильно подбит и выбросился на берег, я донес телеграммой „после боя, получив повреждения, неприятельский крейсер выбросился на берег по

остовую сторону о. Готланд, за маяком Эстергарн. Считаю полезным выслать подводную лодку к месту аварии".

„9 ч. 50 мин. решил продолжать курс к Финскому заливу и бригада легла на курс 40°, имея впереди *Богатырь* и *Олег*, а несколько сзади *Адмирала Макарова* и *Баяна*. *Рюрик* еще не присоединился и был южнее.

Альбатрос после боя.

„В 10 ч. справа и немного позади траверза были обнаружены 6 дымов, оказавшихся крейсерами типов *Роон* и *Аугсбург* и 4 миноносцами.

„В 10 час. 5 мин. открыли огонь: *Роон* по *Баяну*, *Аугсбург* по *Олегу*. Наши—немедленно отвечали.

„Но в это время, ввиду того, что на кр. *Адмирал Макаров оставалось мало 8" снарядов* (курсив наш) и полагая, что такое же количество, вероятно, имеется и на *Баяне* приказал сделать следующее радио: *Рюрику* вступить в бой с *Рооном* квадрат 408, итти самым полным ходом на соединение. *Славе* и *Цесаревичу* выйти на поддержку к банке Глотова.

„В это время расстояние колебалось от 59 до 75 каб. При одном из накрытий *Роона* залпами *Баяна* были замечены попадания в *Роон* и пожар на нем. . . . .

> *Примечание*: Фактически, бой вел только один *Баян* своими двумя 8″ орудиями. *Адмирал Макаров* не имел 8″ снарядов, молчал, дистанция же — была слишком велика для 6″ орудий. Казалось бы, отряду следовало бы сблизиться!

„В 10 ч. 30 мин. неприятель прекратил огонь и стал уходить к югу по курсу 230, о чем я сделал радио *Рюрику*.

„Около 11 ч. с *Олега* и *Богатыря* заметили перископ и рубку подводной лодки, шедшей в атаку на *Олег*. Атака была безрезультатна. Суда отряда открыли огон по лодке“...

Эта новая получасовая встреча была безрезультатна.

Между тем *Рюрик* находился значительно южнее от места боя. Получив в 10 ч. 20 мин. радиограмму „вступить в бой с *Рооном*“ и ответив „иду к вам“ он пошел полным ходом, взяв курс в середину показанного ему квадрата.

Через некоторое время на вест от *Рюрика* показались дымы трех кораблей. Курс был взят им на пересечку. Были опознаны крейсеры *Бремен*, *Аугсбург* и *Роон*.

Бремен сделал сигнал прожектором, повидимому, опознательный и, рассмотрев *Рюрика*, круто повернул вправо, открыв огонь.

В свою очередь, в 10 ч. 35 мин. *Рюрик* открыл из носовой 10″ башни огонь по *Бремену*, затем, после двух залпов, перенес таковой на *Роона*, который был вторым в строю. Весь отряд шел большим ходом на WSW.

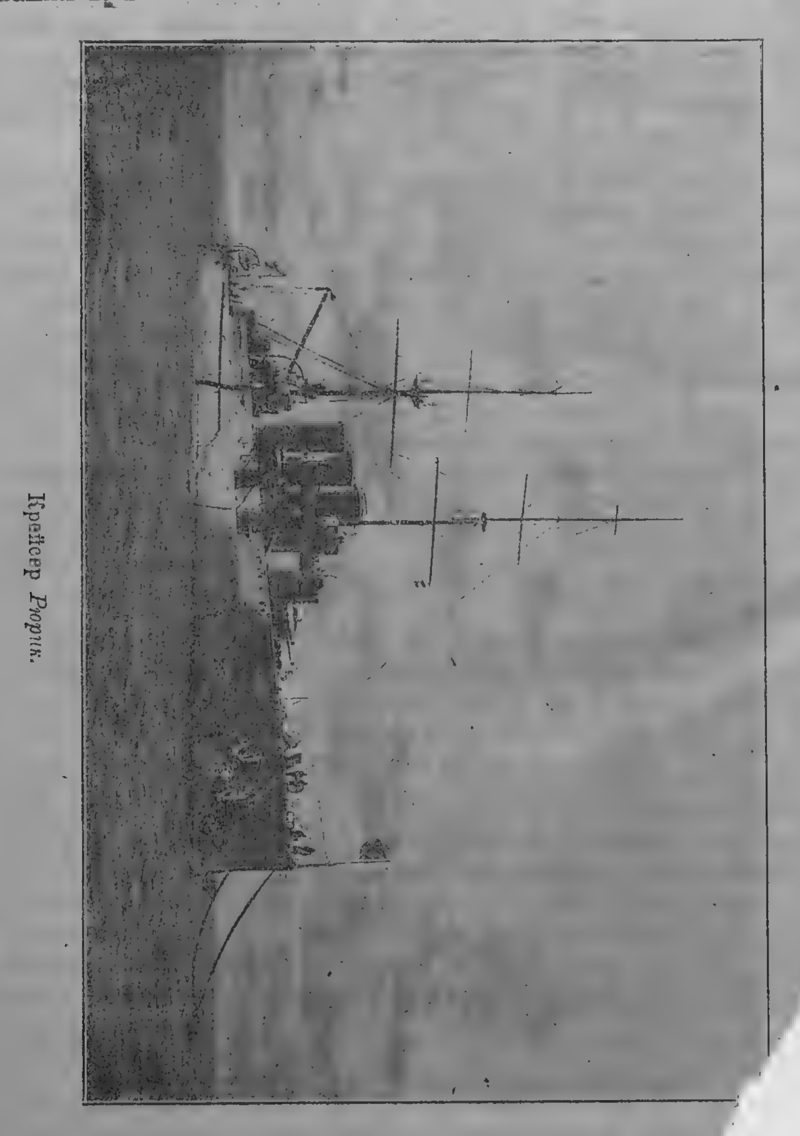
Теперь обстановка была несколько иная, в смысле условий для стрельбы. *Рюрику* никто не мешал и он мог спокойно управлять огнем, тем более, что никакие обстоятельства не вызывали необходимости каких либо сложных, затрудняющих огонь, маневрирований. (См. схему № 8).

Несмотря на дым и мглу, *Роон* вскоре получил попадания. Особенно ясно был виден разрыв 10″ снаряда, окутавший черным дымом весь крейсер до мачт. Были видны взрывы около кормовой мачты и между грот мачтой и четвертой трубой. Повидимому на крейсере начался пожар, . как его кормовая часть была окутана облаком черного ...а.

...оло 11 час. 10 мин. *Роон* повернул *Рюрику* корму и ...ходить, поддерживая редкий огонь из одного орудия. ...тоже прекратил огонь.

... что расстояние до неприятеля увеличивается, ко... *Рюрика* устремился на него... но в этот момент был ...такован неприятельской подводной лодкой, выпу-

стившей мину. Уклоняясь к Осту от атаки лодки, крейсер потерял из виду неприятеля, а затем лег на N для следования в Финский залив.

Крейсер *Рюрик*.

Спрашивается, почему *Рюрик* не довел до конц
успешно начатого боя, тем более, что *Роон* уже бы
тельно поврежден? Почему *Рюрик* не бросился е
в том направлении, где последний скрылся, имея

шанс принудить его вновь к бою, так как обладал ходом, не меньшим чем и *Роон*.

Формально—оправданием командиру является радио полученное им от начальника отряда „опасаться подхода неприятеля с юга". Но фактически, и над ним, и над адмиралом, посылавшим это радио, довлело опасение попасть под удар превосходных сил германского флота, присутствие которых возможно было предполагать (хотя в действительности по близости их не было). Однако ни адмирала, ни

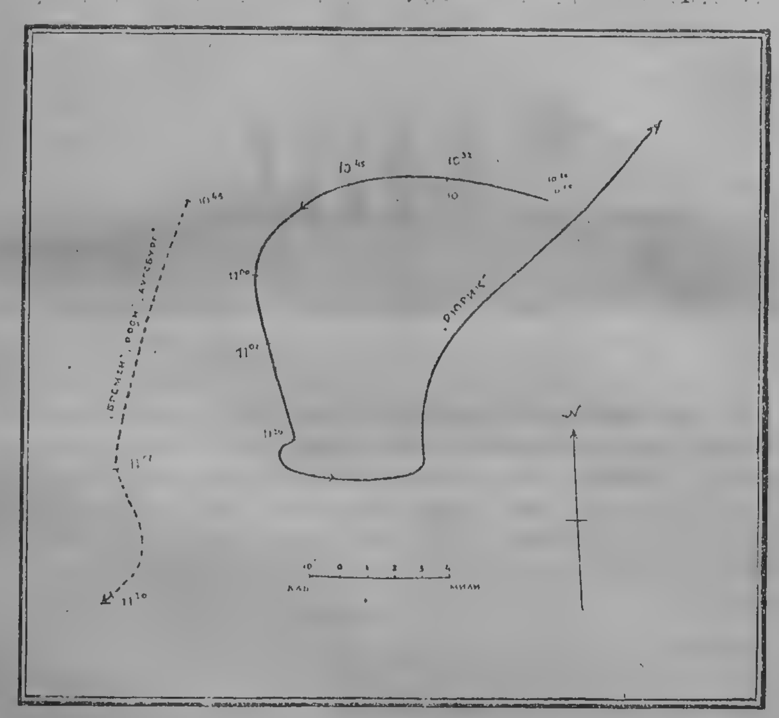

Схема № 8. Бой кр. *Рюрик* с крейсерами *Роон*, *Бремен* и *Аугсбург* 19 июня 1915 г.

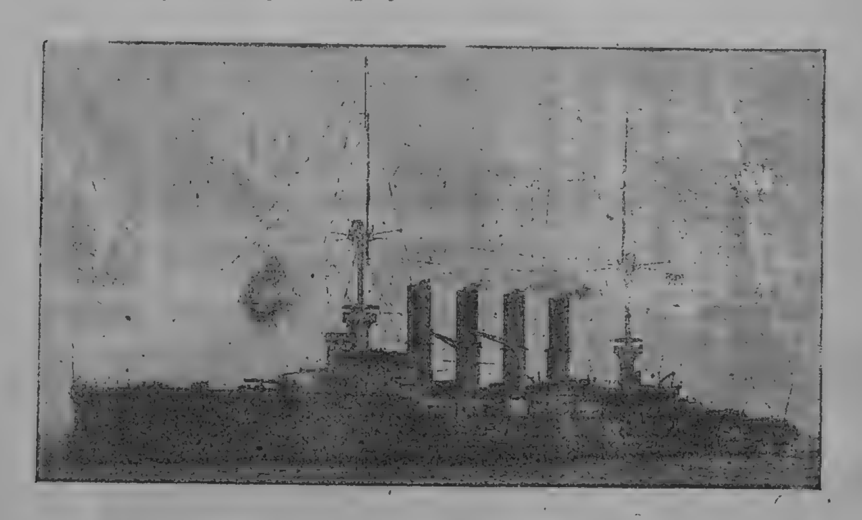
командира *Рюрика* это не должно было останавливать, коль скоро у них было бы сознание о возможности и допустимости риска.

Между тем, при дальнейшем преследовании, при более энергичных действиях, этот день мог бы дать крупного морального значение успех, в виде потопления, кроме *Альбатроса*, еще и *Роона*.

Отряд крейсеров, узнав о бое *Рюрика*, пошел к нему на соединение, но затем, ввиду потери *Рюриком* неприятеля, вернулся.

У банки Винкова отряд снова был безрезультатно атакован неприятельской лодкой.

К концу дня суда вернулись в Ревель.

Крейсер *Роон.*

Из дальнейших событий этого дня следует отметить атаку английской подводной лодкой германского крейсера (повидимому, *Роона*) и поход лодки *Акула* к месту гибели *Альбатроса,* у которой она была атакована двумя неприятельскими гидропланами и подводной лодкой, видимо вызванными на помощь и для охраны *Альбатроса.*

Заключение.

В изложении этих двух эпизодов из опыта русского флота в мировую войну мы не преследовали задач больших, нежели те, о которых высказали выше во вступлении к этой книжке: *проследить характерные черты тактики старого флота и оттенить тот несомненно уродливый уклон ее, явившийся следствием узкого понимания задач боя.* Типичные моменты этих эпизодов, иллюстрирующих высказанное нами положение, подчеркнуты в порядке самого изложения.

Это направление должно быть исжито в тактике возрождающегося Красного флота, которая должна быть построена не на односторонних увлечениях, а на об'ективной оценке условий боя и вытекающих отсюда заданий не к одной какой либо отрасли деятельности флота, не в кругу абстрактных условий, а в стремлении предвосхитить всю совокупность данных обстановки боя, ведя обучение к тому, чтобы флот был в состоянии не только успешно стрелять на учебных стрельбах, но и быть способным успешно провести весь бой. Рамки тактики должны быть раздвинуты и должны охватить все стороны боевой подготовки, начиная с искусства стрельбы и маневрирования и кончая искусством *руководительства* в широком понимани этого слова.

При ближайшем исследовании примеров из опыта войны, этой или другой—безразлично, приходится убедиться, что на тактику, на поступки отдельных начальников в бою имели крупнейшее влияние данные морального порядка, сложившиеся или воспитанные в кругу обстановки, предшествовавшей бою, обстановки, в которой он готовился и воспитывался.

Влияние этих данных возможно проследить и в приведенных двух примерах. В частности, борьба активной идеи и идеи осторожной обороны, выражавшейся в стремлении избежать рискованных положений, свойственна как бою с *Гебеном* Черноморского флота, так, в известной степени, и в бою балтийских крейсеров. В Черном море причины крылись несомненно в кругу самого командования флотом, в Балтийском—в кругу тех влияний, которые исходили из оборонительного плана кампании. Но помимо этого были и

другие причины, которые крылись несомненно в личном составе старого флота, в особенности в кругу офицеров и адмиралов старой „доцусимской“ школы, с которыми так боролся Н. О. Эссен.

Здесь мы имеем дело с какой то отдаленной традицией, пустившей глубокие корни в аппарате морского ведомства и русского флота вообще. Пути ее тянутся к давно прошедшим временам, к Крымской кампании, где флот был обречен на пассивную роль и погиб в Севастополе, они проходят через Русско-Японскую войну, с ее Артурской эпопеей, явившейся повторением истории Севастополя, они дотягиваются и до мировой войны, в которой задача пассивной местной обороны доминирует над всем и оказывает решающее влияние на общее направление мысли и воспитания командующего состава.

Несмотря на „школу Эссена“, несмотря на то, что имелись прекрасные командиры, несомненно склонные к активности, несмотря, наконец, на то, что целый ряд операций, активных по замыслу и выполнению, имел место втечение кампании, эта пассивная идея—является основным мотивом.

И если для Балтийского флота тому были причины, ввиду подавляющего неравенства сил русского флота по сравнению с германским, то были ли какие либо причины на Черном море? Почему там у командования сложились тенденции, вызывающие чувство глубокого осуждения?

Над этим надо подумать!

Надо отыскать их, эти причины.

И если окажется, что они кроются в идеях, которые господствуют в военно-морской науке, и в частности в тактике, то новая тактика, новая наука Красного флота, должна тщательно устранить их, подведя иное основание, активное, полное горячего призыва к инициативе, к воспитанию умения рисковать и находить правильное решение, без применения схоластических методов, продиктованное здравым смыслом и жаждой победы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Справочные данные о кораблях, участвовавших в бою 5|18 ноября 1914 года и в бою у Готланда 19 июня 1915 года.

I. Корабли, участвовавшие в бою 5|18 ноября 1914 г.

НАИМЕНОВАНИЕ.	Год постройки.	Водоизмещение.	Ход.	Артиллерийск. вооружение.	Торпедное вооружение.	Броня.			Примечания.
						Рубки.	Борта.	Палубы.	
РУССКИЕ.									
Линейные корабли.									
«Евстафий»	1906	13.000	16	4—12" 4—8' 12—6" 14—75 мм.	2 подв. ап.	9'	9"—6"	2"—3"	
«Иоанн Златоуст»	1906								
«Пантелеймон»	1900	12.800	16	4—12" 16—6" 14—75 мм.	3 подв. ап.	9"	9"—6"	2"—3"	
«Три Святителя»	1893—1912	13.500	16	4—12" 14—6" 4—75 мм.	—	12'	16"	2"—3"	Броня мягкая.
«Ростислав»	1896	10.300	15,0	4—10" 8—6' 4—75 мм.	2 подв. ап.	6'	14"—16"	3"	
Крейсеры.									
«Кагул»	1902	7.200	22,7	12—6' 12—75 мм.	2 подв. ап.	5"	—	3—1½"	
«Память Меркурия»	1903								
«Алмаз»	1903	3.300	19	6—75 мм.	—	—	—	—	
Миноносцы.									
Тип «Быстрый»	1914	1.100	34—35	3—100 мм.	5 двойн. аппар.	—	—	—	
Тип «Баранов»	1906	650	25	1—120 мм. 5—75 мм.	3 аппарата.	—	—	—	
Тип «З».	1906	400	26	2—75 мм.	2 аппарата.	—	—	—	
Тип. «С»	1901	300	22	2—75 мм.	2 аппарата.	—	—	—	
ГЕРМАНСКИЕ.									
Лин. кр. «Гебен».	1911	23.000	28	10—11" 12—6" 18—88 мм.	4 подв. ап.	11"	11"	11"	
Лег. кр. «Бреслау»	1911	4.550	27,6	12—105 мм.	2 подв. ап.	—	—	—	

II. Корабли, участвовавшие в бою у Готланда.

НАИМЕНОВАНИЕ.	Год постройки.	Водоизмещение.	Ход.	Артиллерийское вооружение.	Торпедное вооружение.	Броня. Рубки.	Броня. Борта.	Броня. Палубы.
РУССКИЕ.								
«Рюрик»	1906	17.200	21	4—10″ 8—8″ 20—120 мм.	2 подв.	8″	6″-4″	3″—1″
«Баян»	1907	8.000	21	2—8″ 8—6″ 20—75 мм.	2 подв.	5″	8″—3″	3″—2″
«Адмирал Макаров»								
«Олег»	1903	7.000	23	12—6″ 8—75 мм.	2 подв.	6″	—	3″—2″
«Богатырь»	1901							
«Новик»	1911	1.280	37	4—100 мм.	6 подв.	—	—	—
ГЕРМАНСКИЕ.								
«Роон»	1903	9.500	21,4	4—8″ 10—6″ 14—8,8 мм.	4 подв.	6″	4″	2″—2½″
«Аугсбург»	1909	4.350	27	12—105 мм.	2 подв.	4″	—	2″—1½″
«Бремен»	1903	3.250	23,2	10—105 мм.	2 подв.	4″	—	2″—1½″
«Альбатрос»	1907	2.200	20	8—88 мм.	—	—	—	—
3 миноносца (?)	—	—	—	—	—	—	—	—

Редакц.-Изд. Отдел Морских Сил РККФ

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

Техника, Кораблестроение, Двигатели, Электротехника, Радиотелеграфия.

ЦЕНА.

Багрин-Каменский, В. А., Малышев, Н. Ф., Роднин, Н. М. Под редакцией В. А. Винтер.—Полный свод технических условий, принятых во флоте на материалы и изделия по кораблестроению, машиностроению, электротехнике и пр. техническим частям, а равно для всех родов топлива, смазочных веществ и предметов технического снабжения. 1925 г., 488 стр. со многими чертежами и таблицами . . . 5 р. — к.

Белецкий, Л.—Проверка линии валов. 1921 г., + 1 лист черт. . . — » 10 »

Брикс, Ф. проф. Уравновешение многомотылевых машин. 1926 г. 85 стр. 44 черт. . . . 1 » 50 »

Ватсон, Т.—Руководство по разбивке судов на плазе. 1909 г. . 2 » — »

Военно-Морская Научная Мысль. (Сборник докладов, читанных в секциях В. М. Н. О. в 1924—1925 г.г.). Сборник первый, под редакцией Н. Н. Берлявского. . . . 1 » 60 »

Говорухин, Б. И., инженер-электрик.—Измерение изоляции аккумуляторных батарей и нахождение заземлений. 1925 г. . 2 » — »

Гельд, Г. А., проф. Судовые двигатели Дизеля. Часть I. Изд. 2-е; 1922 г., 220 стр. . . . 1 » — »

Дмитриевский. В. Основы топливной экономики. Со вст. ст. И.-М. В. А. Винтер. С чертежами . . . 1 » 20 »

Иванов, С. В.—Судовые паровые турбины. Устройство, управление и уход за турбинами системы Всеобщей компании электричества—Вулкан и Броун-Бовери-Парсонс. 1925 г., 100 стр. и 65 чертежей на отдельных листах . . . 1 » 50 »

Иностранные материалы, касающ. классификации и правил постройки морских судов. 1914 г. . . . 3 » — »

Костенко, В. П., кораб. инж.—Теория корабля. Сопротивление воды движению судов. 1926 г., с чертежами . . . 1 » 40 »

Кьяндский, Г. Электронные лампы и их применение в радиотехнике. Изд. 2-е 192 стр. и 135 черт. . . . 1 » 20 »

Крылов, А. Н., проф. — Основные сведения по теории корабля. Изд. 3-е, 1925 г. . . . — » 25 »

Мадисов, В.—Курс по истечению газов и паров. С атласом чертежей. 1920 г. . . . 1 » 50 »

Муравьев, Б. П.—Курс радиотелеграфного дела. Ч. I.— Электротехника постоянного и переменного токов в применении к радиотелеграфии. 3-е исправл. и дополн. изд. 1921 г. — » 75 »

То-же. Ч. II.—Электромагнитные волны и их применение в целях сигнализации. 4-е издание. 1921 г. . . . — » 75 »

Рыбкин, П. И.—Вопросник по радиотелеграфу. 1921 г. . . — » 15 »

Фролов, Р. Н., проф.—Курс электротехники. Ч. I. Магнетизм и электричество. С кратким отделом физики. Изд. 5-е, 1925 г., 380 + VI стр. . . . 2 » 25 »

То-же. Ч. II. Динамо-машины и электродвигатели постоянного тока. Изд. 2-е, 1923 г., 296 стр. (печатается 3-е изд.). . . 2 » 50 »

То-же. Ч. III. Переменный ток. Генераторы и двигатели перем. тока . . . 2 » 75 »

Шедлинг, Ф. Как самому построить парусно-гребную шлюпку. С 35 чертежами . . . — » 45 »

Яновский, М.—Морские паровые турбины. 1925 г., 471 стр. 4 » 50 »

Его-же.—Расчет турбинных дисков. 1925 г., 27 стр. с чертеж. . . 1 » 20 »

С требованиями обращаться в Книжный Склад Р. И. О. Морсил РККФ. Ленинград, Гл. Адмиралтейство, против б. Зимнего дворца.

20920

ЦЕНА 60 КОП.

